

АНАСТАСИЯ СОБОЛЕВСКАЯ

ХРОНИКИ РАЗРУШЕННОГО КОРОЛЕВСТВА

КОРОНА ДВУХ КОРОЛЕЙ

Animedia

Анастасия Соболевская
Корона двух королей
Серия «Хроники разрушенного
королевства», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57407462
Корона двух королей: Animedia Co.; Прага; 2020
ISBN 978-80-7499-407-4

Аннотация

Главным событием в жизни юношей королевства Ангенор является тавромахия – поединок с бешеным шестирогим быком. Победитель получает деньги, славу и право присоединиться к элитной части армии – королевским кирасирам. Но наследники трона проходят обряд с иной целью – показать, что они достойны носить алмандиновую корону – венец воинов. Смерть единственного наследника престола во время обряда приводит к ожесточенной борьбе за корону между его отцом – королем Осе, дядей Теабраном и принцессой Вечерой – старшей кузиной, которую считают виновной в гибели принца. Пестрое полотно Хроник наполнено кровавыми битвами, дворцовыми интригами, предательством и жестокостью. Короли, наследники, северные правители самраты, графы южных земель, дикие горные

племена – их всех объединит желание обладать той самой алмандиновой короной.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	27
Глава 3	39
Глава 4	59
Глава 5	76
Глава 6	104
Глава 7	118
Глава 8	137
Конец ознакомительного фрагмента.	146

Анастасия Соболевская Корона двух королей

КОРОНА КОРОЛЕЙ

ДВУХ

Корректор: Мария Скворцова

Выпускающий редактор: Мария Ланда

© Анастасия Соболевская, 2020

© Издание, оформление. Animedia Company, 2020

Глава 1

Резня

В то утро солнце последний раз поднялось над рыжими крышами Негерда.

Альфред сидел на перилах Колокольной башни и, подставив лицо ласковым лучам летнего солнца, напевал себе под нос запрещённую аббатом песенку о пастухе и сборщице фруктов, которую услышал на площади два дня назад. Конечно, услышь старик его неразборчивые напевы о «сладких персиках» и «красном кнутае», он бы вмиг показал мальчишке цену мирских развлечений, но здесь, на самой высокой точке Негерда, Альфред находился на безопасном расстоянии от знаменитых перчёных розог настоятеля Монастыря-на-Руне, а посему мог позволить себе небольшие вольности.

Солнце в северо-западных широтах Ангенора редко выглядывало из-за толстых туч, но сегодня оно решило порадовать жителей этого маленького уютного городка Пригра-ничья и светило посередине глубокого, неестественно сине-

го неба, лишённого любых облаков. Воздух тяжёлой плитой лежал на раскалённой земле и был тягуч и пахуч, как свежий липовый мёд.

Сутки до поста на верхушке Колокольной башни юный послушник безвылазно провёл в своей тесной тёмной келье в старом монастырском крыле близ башни и, не разгибая спины, завитушка за завитушкой старых ангенорских рун копировал тексты полуистлевших фолиантов, что две недели назад привезли из столицы кирасиры. И сейчас Альфред был счастлив сделать долгожданный перерыв и подставить лицо летнему солнцу.

Альфред сам себе не верил – ещё год назад он не умел ни читать, ни писать, но с тех пор, как старый аббат взял мальчика под своё крыло, он не только смог выучить то, что написано в священном семикнижии, хранившемся на аналое, но ему ещё и доверили копировать эти великие книги.

В этих пыльных фолиантах, старых, как сам мир, рунами размером с ячменные зёрнышки, были изложены трактаты о бытии, много лет назад написанные рукой безымянных приверженцев Святой благодати – новой религии, что пришла в эти земли с далёкого севера, и руки послушника всё ещё хранили запах старой бумаги и чернил, с которым в его кожу впиталась их мудрость. Во всём монастыре только ему и ещё паре послушников хватало усидчивости и аккуратности долгими часами выводить перьями святые писания на шероховатом пергаменте. Это дело было кропотливым

и требовало огромного внимания, и потому аббат в качестве награды иногда разрешал Альфреду и другим писарям съесть по яблоку на ужин, что, по сравнению с пресной монастырской едой, было сродни настоящему лакомству. Старик называл Альфреда удивительно способным для простого мальчишки из глуши, но розги за малейшую оплошность не давали ему этим возгордиться.

Но как бы Альфреду ни нравилось переписывать руны за руной, увековечивая законы для новых последователей истинной, как говаривал аббат, веры, он был рад, когда старый священник попросил его весь день провести здесь, наедине с набатным колоколом, рядом с солнцем и ветром. У этого юноши во всём монастыре были самые зоркие глаза, а потому в важные для города дни его чаще других оставляли вглядываться в даль всех четырёх сторон.

Колокольная башня ещё при возведении считалась собственностью монастыря, так как именно на его деньги была когда-то построена, а потому службу на ней несли исключительно послушники, да и то только те, кто не боялся высоты. В монастыре таких было немного: личный служка аббата, младший поварёнок, Альфред да дьякон, но тот уже два дня как уехал в Паденброг просить короля о ссуде на починку старой часовни, а служка и поварёнок были заняты подготовкой к ежегодной ярмарке, и потому, кроме Альфреда, нести дозор больше было некому.

Король Огасовар, Осé, последний из династии Роксбур-

гов, как и подавляющее число жителей Ангенора, поклонялся Перламутровым горам, что на западе крутыми хребтами уходили далеко за горизонт, — там, если верить старым легендам, живут боги. Но Святая благодать с каждым днём становилась сильнее и всё увереннее набирала паству на просторах королевства среди всех слоёв общества, от крестьян до графов, и потому королю, тем более находящемуся в шатком положении, не прислушиваться к народным настроениям было бы опрометчиво. Даже сама Суаве, любимая королева ангенорцев от Керестайских холмов до покрытых пышными лесами гор Ла Верн Кантамбрии, также стала исповедовать Святую благодать. Говорили, что именно по этой причине король весьма снисходительно начал относиться к новым верованиям, которые всё настойчивее прокрадывались на его территории. Любой из его предшественников — Магнар Законодатель, Эссегрид Растратчик или даже Дитман Укротитель — не моргнув глазом приказал бы вздёрнуть на площади Агерат тех, кто несёт заразу в души его народа, но ни у одного из них не было Суаве. И было ли это к добру или худу, каждый решал сам.

Религиозные распри были лишь каплей в море общего недовольства королём. К Осе Кровавому в народе относились прохладно. Как к тени, отброшенной гением царственного Эдгара Роксбурга, почившего восемнадцать лет назад. Особенно это было заметно среди старшего поколения, кто ещё помнил Короля Жезлов благодаря его походам в Дикие

горы и Пустодол. Младшее же поколение, особенно воцерковленное, чтит его лишь как ментора и покровителя, которыми были все его предки. Выросшие на законах Святой благодати, они не видели в мягкости Осе слабости, скорее многогранность и невозможность поступать так, как поступали его предшественники в условиях слишком изменившегося мира. И всё же эта нелюбовь к последнему Роксбургу витала в воздухе и, приправленная сплетнями и толками, постепенно отравляла умы людей всех возрастов и социального статуса. И потому многие перестали обращать внимание на заслуги Осе перед своим народом, начав укоренять в головах народа образ слабого и трусливого короля, отгородившегося от мира высокими стенами Туренсворда, чьим уделом было лишь взирать на свой народ с высоты балкона тронного зала в окружении по-собачьи преданных короне северных головорезов. Кто-то оправдывал его, кто-то усугублял его недостатки, возводя их в абсолют, кто-то его жалел, сам же Альфред благоволил королю хотя бы за то, что прошлой зимой тот выделил их монастырю деньги на новые рясы и послушникам не пришлось мёрзнуть, как бывало раньше.

Но признательность молодых монахов королю не разделяли прочие жители Ангенора, которые вменяли ему в вину бездействие на пороге большой беды. Времена сейчас были непростые – выстоять мог только тот, кто не боялся показать силу, что едва ли относилось к Осе. Злые ветры дули с далёкого севера, и оттуда всё чаще и чаще доносилось тревожное

эхо возможной войны.

Так, несколько лет назад люди, прибывшие в Негерд с залива Горящего неба, рассказывали, что княжество, расположенное на севере в долине Гириффор, полностью разграбила и истребила армия самозванного короля Теабрана.

«Там теперь ни городов, ни деревень не осталось, – говорили люди. – Всех, кто попадался на пути, резали как скотину. Даже замок князя Ээрдели Ровенну разграбили и сожгли дотла, а княжескую семью перерезали, всех до единого, как свиней».

Говорили, что с тех пор в тех краях больше никто не живёт, и земли те прозвали Долиной чёрных деревьев из-за покрывающего всю округу пепла как символа полного уничтожения, разорения и смерти.

Послушник много раз слышал леденящие душу истории, как вырезались целые города, как почва пропитывалась человеческой кровью, и ему не верилось, что можно вот так просто уничтожить целое княжество, пусть даже маленькое.

– Ведь так же не бывает, – возражал он. – Старый аббат говорил, что Бог помогает всем страждущим. Разве те люди не пострадали? Разве Он не мог помочь им спастись?

– Вла́хосу об этом скажи, – отвечали ему. – Ему ли не знать, как быстро теряешь веру, когда бродишь по развалинам своего дома?

Альфред бы никогда не стал спрашивать об этом Влахоса из Ровенны. Он бы никогда даже не подошёл к нему ближе,

чем на пушечный выстрел.

Внизу пёстрой массой копошились люди – готовилась летняя ярмарка. Послушник ждал её ещё с прошлого года. Только был он тогда простым пятнадцатилетним парнишкой, сыном дубильщика, который дрался за право первым забраться на парафиновый столб и хватал местных девчушек за юбки, а теперь он мог наблюдать за праздником только со стороны. Но всё же его положение отличалось некоторой выгодой – остальные послушники не могли присутствовать на ярмарке вовсе. Их уделом было прислуживать на кухне, помогать монахам в коровнике да учить псалмы и древние языки в тесных, сырых, душных кельях с крошечными отверстиями под потолком вместо окон, и потому все они страшно завидовали Альфреду, который удостоился чести вырваться из благочестивого плена.

В этом году земля была плодоносной как никогда. Даже аббат на проповедях всех уверял, что это божья благодать, ибо никогда ранее, пока не был вбит последний гвоздь в крышу монастыря, земля не давала такого богатого урожая. Староверы же не сомневались, что помогла богиня Беркана и духи земли и воды Ситри и Ллер, и с благодарностью сыпали зерно в Чистый ручей да подносили свежий хлеб к статуям богов у леса.

«До чего же хорошо», – думал Альфред, нежась в лучах доброго солнышка и потирая висевший на груди четырёхлистный чистотел – символ его нового Бога. У всех монахов

были такие же, но у старших – больше и из золота, а цветок Альфреда был сделан из меди.

Он ещё не дал ни одного обета, потому как послушником был всего год, и его положение пока не мешало ему смотреть с высоты на стайку местных девушек, которые стирали в речке бельё. Раньше они стирали чуть ниже по течению, но монахи начали жаловаться, что девушки в мокрых одеждах мешали им читать молитвы и вдумываться в Слово Господне, и потому был вырыт небольшой канал на окраине, откуда девушек было видно только с Колокольной башни. С такого расстояния их фигурки казались маленькими-маленькими, почти и не разглядеть, но богатое воображение послушника позволяло ему дорисовать всё, не видимое глазу, и оно же позже рисовало ему все адовы муки, кои обрушатся на его голову после смерти за осквернение души монаха.

К полудню солнце уже пекло что есть сил и жара стояла несусветная. Послушнику хотелось раздеться, но, если его снизу увидит кто-то из монахов и доложит аббату, он снова получит десять ударов розгами. Подумав об этом, Альфред поёжился. Монахи, глубоко верующие люди, били с такой же силой, с которой из лучших побуждений желали наставить на путь истинный не чтящего монашеский уклад мальчишку. Их поучения обычно заживали на его коже по несколько дней.

Альфред наблюдал за людьми внизу, как вдруг заметил среди них ту, что совсем недавно оставила в его душе осо-

бенный след. Он не знал, как её зовут, да и видел всего один раз, когда настоятель выгнал его из кухни к колодцу за ведром чистой воды, но отдал бы что угодно, чтобы снова увидеть её простое улыбочливое лицо и золотые кудряшки. Альфред грустно вздохнул, любуясь красавицей.

Была бы его воля, он бы никогда не стал монахом, но его отец, человек жёсткий и прагматичный, проводивший в едких щелочах больше времени, чем монахи в молитвах, посчитал, что не хочет сыну такой же участи, а вот труд в монастыре, чья власть в городе крепла с каждым днем, вполне мог сослужить его наследнику хорошую службу. Одно только печалило сердца обоих – священники Святой благодати давали обет безбрачия, и потому Альфред смотрел на золотые кудри и обнажённые конопатые плечи красавицы и пытался смириться с тем, что никогда не почувствует ласку её рук.

Внизу на небольшой площади, рядом с полем для боя мешками, пятеро потных мужиков ставили большие навесы для главной распродажи. Послушник слышал, что там будут танцы и музыка и станут продавать фрукты и северное вино из пшеничного солода, мёда, клюквы и болотного мирта, который добавляли для крепости. Оно, конечно, было не таким сладким и терпким, как южное виноградное из Кантамбрии, но было незаменимо при похмелье, а горьковатый привкус оставлял приятное послевкусие. Мама Альфреда добавляла его в тесто вместо уксуса, и у её выпечки появлялся приятный горько-сладкий, чуть землистый аромат. Самое дорогое

северное вино, что разливали близ Мангрового леса, настаивалось в кедровых бочках по пять-шесть лет, но его могли себе позволить только богачи, такие как местные купцы или торговцы из крупных деревень и городков округи, остальные же крестьяне и ремесленники довольствовались вином куда проще – годичной или двухгодичной выдержки. Местные виноделы уже предвкушали наплыв южан, готовых скупать вино бочками на целый год вперёд. Если их будет столько же, как в прошлом году, то каждый из них, выставив цену чуть больше прошлогодней, сразу набьёт карманы деньгами. Южане по отношению к северным винам никогда не скупались.

По приказу местных властей жители украшали дома. Те, в чьих карманах звенела серебряная и золотая монета, чинил черепицу и просмаливал швы, а кто в своей жизни видел только медяки – просто кидал на крыши слой нового сена и траву, которую сам же и накосил. Дети и женщины собирали в полях цветы и складывали в букеты, чтобы украсить окна и двери. Извилистые улочки посыпали песком, чтобы скрыть грязь после дождя.

Посередине площади стоял высоченный, натёртый парафином столб, на верхушке которого уже висели мешочки с готовыми угощениями и подарками. Вчера Альфред и другие послушники лично раскладывали в них фрукты и пряники. У подножия столба, собравшись дружной стайкой, чирикала местная детвора. Один из мальчуганов, самый сме-

лый и задиристый, шустро растолкал конкурентов и попытался забраться наверх, но заскользил на парафине и свалился на землю, а остальные окружили его и засмеяли. Бедолага только сурово посмотрел наверх и погрозил угощениям кулаком.

Послушник заскучал. Колокольная башня была самым бесполезным сооружением в Негерде – на город никто не нападал ни разу за всю историю его существования. А если бы кто и напал, что с того? В городе не было ни одного солдата. Они были здесь ещё с месяц назад, ходили, гордо сверкая начищенными железными латами с грифоном, гербом графа Корбела, к чьим землям примыкал Негерд. Но потом их хозяин почему-то приказал всем вернуться в Озёрный замок, что царапал высокими башнями небо на горизонте. Да и что здесь брать? Только товар торговцев шерстью да вином или зерно в местном амбаре.

Иногда, конечно, случались стычки между староверами и нововерами, но они решались быстро и по большей части почти без насилия. Хотя так было не везде. Например, в соседней деревне развернулась настоящая религиозная война, из-за которой едва не погибла половина населения. Но такие случаи были редки, потому как большая часть ремесленников решила быть терпимой по отношению к новым религиозным веяниям. У них были проблемы куда серьезнее: как вырастить пшеницу, когда корни пожирают черви, чем кормить скот да как расплатиться с местным кузнецом за новые под-

ковы для кобылы, чем решать, чья вера правильнее. А монахи Святой благодати предпочитали осторожничать, наученные горьким опытом соседей, и старались быть в своих речах убедительными, но не настолько настойчивыми, чтобы вызвать к себе неприязнь и желание народа схватиться за вилы и факелы.

Ещё через час изнывающему от безделья Альфреду стало совсем невмоготу всматриваться в недвижимый горизонт и уже в который раз перечитывать выученный наизусть псалтырь – лучше бы его отправили прислуживать на кухне. К ярмарке там сегодня пеклись самые вкусные пирожки с картошкой, и можно было бы что-то украсть. А тут? Что тут? Одно – смотреть сверху на людей, что кажутся ползающими по земле муравьями, любоваться сверкающей золотой звездой на главной башне монастыря да ворон считать. И почему их сегодня так много? Будто кто выгнал их с насиженных мест, и все они не нашли ничего лучше, чем летать вокруг колокольни и громко каркать.

– Какие же лужёные глотки. – Послушник заткнул уши. – И кар! И кар! А ну, пошла! – Он замахнулся псалтырём на особенно крикливую птицу. Та в ответ лишь так же отчаянно каркнула, взлетела и села на соседние перила, глядя на человека без страха.

Издалека нестерпимо тянуло гарью – наверное, где-то охотники опять поджаривают на костре свежую дичь, или в пекарне что-то сгорело. В животе заурчало.

– Я бы сейчас съел целую лошадь... – вздохнул Альфред.

Но день только начинался, а потому узнику колокольни оставалось ещё долго нести свой дозор.

Когда площадь наполнилась торговцами, а из-под навеса начали доноситься задорные, как детский смех, звуки свирели, с северной стороны быстро, как ураганный порыв перед грозой, налетел ветер и сдул две опоры шатра. Тот покосился, но не упал. До уха Альфреда донеслось эхо мужицкой брани, и к поломке поспешили работники с молотками. Отовсюду начали стягиваться горожане, готовые оставить на прилавках с тканями, посудой, вином и прочей снедью хорошие деньги. Последовал ещё один ледяной порыв и спугнул с Колокольной башни всех ворон – они, потревоженные вихрем, громко галдя, чёрной беспорядочной массой взмыли вверх и пропали. Какое-то непонятное движение рядом с деревьями у излучины привлекло внимание юноши, будто клубы дыма вздымались над землёй вдалеке, на юго-востоке. Он пригляделся. Туча двигалась к городу по песчаной дороге.

«Торговцы из Паденброга», – решил Альфред. Они всегда приезжали в Негерд по этому тракту. Странно, что в этом году они решили явиться так рано – ярмарка ещё только началась, а они прибывали обычно к вечеру, когда, сбросив первую партию товара, торговцы выкладывали на прилавки всё самое лучшее. Альфред пожал плечами: «И ладно. Чем больше людей, тем лучше. Всё равно половину из них пря-

мой дорогой приведёт в часовню к мироточащим статуям. Вот бы дали больше денег, тогда аббат разрешит кормить нас чем-то повкуснее жидкой просяной каши». Мальчишка сам прервал свои мечты, вызванные воспоминаниями о вкусной маминой стряпне, храни боги... Господь её душу, настолько теперь для него они были нелепы.

«А если нет, то, может быть, я куплю для монастыря хотя бы половину мешка соли». Мечтая о солёном привкусе еды, который ему когда-то всё-таки удалось ощутить, утащив щепотку соли из личного мешка аббата, Альфред просидел на перилах ещё несколько минут, потом вздохнул по несбыточному и уткнулся носом в свой потрёпанный псалтырь. Снова повеяло гарью.

– Что за невыносимая вонь? – Альфред высунулся из-под крыши наружу и снова устремил взгляд вдаль. Всадники остановились, но рядом с ними появилось странное сооружение непонятной формы, чем-то похожее на огромную катапульту, камнем из которой, если верить преданиям, король Дитман II когда-то победил Зло Серебряной горы. Или нет? Странно. Ничего не видно. Люди сгрудились вокруг – Альфреду было непонятно, что они делают. Он напряг глаза, стараясь различить действие вдалеке.

«Они будто... будто... Погодите...» Противный холодок скользнул по спине послушника. Ему удалось разглядеть их одежду. Все они были в доспехах, и кони их тоже. Первой мыслью Альфреда было, что это возвращаются воины гра-

фа Корбела, но его солдаты носили обычные железные латы и синие плащи, а эти были сплошь в чёрном с серебром, и плащи их были алыми, как у Ловчих. Но что отряд личной охраны короля делает так далеко от столицы? Хотя Альфред и жил в изоляции в келье монастыря, едва ли его стены могли оградить юного монаха от сплетен. Он слышал о Ловчих и об их предводителе, Влахосе Бродяге из Ровенны, чья рука исполняла любые приказы короля. И если этому человеку что-то понадобилось в их краях – жди беды. Ловчих боялись как огня, как чумы. Они, как ищейки, выискивали заговорщиков против короны и устраивали кровавые облавы, за пять лет существования вымарав свои имена в людской крови. Неужели в Негерде готовился бунт против короны? Но кем?

И что у всадников в руках?

И тут ледяные лапы испуга вцепились в горло мальчишки. Луки и факелы! Началось движение, и из того странного устройства, у которого сустились солдаты, в сторону Негерда полетели три серых предмета. Люди внизу зажгли наконецники стрел и прицелились в брошенные мишени. Послушник растерялся и отпрянул в сторону. Он никогда в жизни не видел нападения, и страх перед надвигающейся опасностью, которая вдруг возникла из ниоткуда и оказалась совсем близко, ударил его в самое сердце. Он вцепился в язык набатного колокола, и протяжный гулкий звон накрыл Негерд.

Привыкшие к спокойной жизни жители не сразу поняли,

что за звон разносится по округе, начали лениво оглядываться, возникла какая-то суета. Кто-то посмотрел наверх и увидел, как мальчишка-послушник суматошно дёргает язык набата, всё громче предупреждая об опасности. Три странных предмета, похожие на камни или набитые доверху мешки, уже оказались над крышами. Все замерли, словно застигнутые врасплох нерасторопные звери. Раздался оглушительный хлопок, похожий на взрыв. Снаряды полыхнули в небесной выси и пропали в яркой вспышке, ослепляющей, как тысячи солнц. Внезапно свет погас, и с неба посыпались капли. Они падали на землю беззвучным дождём, искрящимся на солнце серебряной паутиной. Ослеплённые люди сквозь пальцы глядели, как он опускается на них, подобно туману.

Через секунду совсем рядом раздался чей-то вопль. Кричал человек, чьей кожи коснулось это невесомое серебро. Крик нарастал, и вот уже кричали двое, трое, дюжина, десятки людей. Люди со страшным воем, будто отбиваясь от налетевшей стаи пчёл, метались из стороны в сторону, толкая друг друга. Их кожа начала покрываться кровавыми язвами. Ядовитое серебро прожигало тело всякого, на кого попадало, проходило сквозь тела, как раскалённый нож сквозь масло. Люди кинулись к шатру, началась давка. С краёв крыши, под которой всё ещё бил в набатный колокол испуганный послушник, капали сверкающие смертоносные капли, с шипением проедавая старую черепицу. Альфред видел, как изъеденные язвами люди сдирают с себя кровоточащую кожу,

и зажмурился. Внезапно дождь прекратился.

И тут сверху посыпались горящие стрелы. Сухое сено на кровлях вспыхнуло в ту же секунду. Одна из стрел угодила в крышу навеса и прошила его насквозь, найдя свою конечную цель в груди подмастерья торговца. Ткань вспыхнула, как сухая трава. Люди бросились врассыпную. Под натиском толпы столы опрокинулись, и все товары погибали под ногами испуганных людей, стремящихся найти безопасное место. Горящие ярмарочные шатры накренились и повалились на затоптанную траву. Люди спешили укрыться в домах, что были ещё не тронуты пламенем, кто-то бежал к монастырским воротам. На шум из монастыря выбежал всполошённый аббат. Земля под ногами уже дрожала от топота приближающейся конницы, и люди бежали к спасителю с мольбами о помощи. Священник поспешил раскрыть ворота шире, позвав на помощь нескольких подоспевших монахов. Люди же бежали и бежали, наступая на тех, кого до смерти или полусмерти сжёг огненный дождь. Кто похватал свои пожитки, а кто бежал налегке. Мужчины толкали женщин, дети спотыкались и падали. Аббату удалось протиснуться сквозь наступающую толпу, чтобы помочь одной женщине, каждое воскресенье посещавшей его мессы, но она шла к спасительному убежищу так медленно, что монах, грешным делом, подумал, что из-за неё сам не успеет в укрытие.

Всадники вторглись в город, чёрно-красной массой вгрызлись в Негерд, мечами и огнём пробивая себе путь вперёд

по узким изломанным улочкам, и уже жгли, кололи, рубили всё живое и неживое на своём пути. Несколько человек прыгнули с лошадей и принялись выбивать двери домов. Они за шиворот выволакивали оттуда людей, не делая различий между мужчинами, женщинами, стариками и детьми, и казнили на месте. Альфред спрятался за перилами, где, не в силах отвести глаз от страшной картины, продолжал смотреть сквозь щели между балками, как убийцы разоряли дома. Опустошающее чувство вины сдавило его сердце. Ловчие были подобны стихии – как вода, они заполняли все улочки, неся за собой огонь и металлический блеск окровавленного оружия. Обречённый Негерд возопил десятками голосов. Альфред забился в угол и зажал уши, чтобы не слышать этого визга, будто там, внизу, резали сотню свиней. Раздался мужской крик и сразу прервался, Альфреду показалось, что кричал его отец, и к его горлу подкатил рвотный ком. Небо наполнилось чернотой и смрадом. Мальчик не хотел думать о том, успел ли кто-то спрятаться за монастырскими воротами и успел ли старик их закрыть, прежде чем войско добралось до убежища.

Аббат говорил: «Если ты веришь, то не будешь бояться смерти, потому что там, за чертой, тебя ждёт другая жизнь без бед и страха», но все эти мудрые слова уже вылетели из головы Альфреда. Он боялся, как затравленный зверь, и вжимался в деревянную стенку Колокольной башни. Ему было плевать на слова старика – всё его существо хотело

жить.

Между щелей в полу потянуло серым дымом, и Альфред в испуге отпрянул в сторону – Колокольная башня горела. Он знал ещё не все молитвы, но и они в тот же миг куда-то исчезли, уступив место впитанным с молоком матери старым напевам древних богов, которым поклонялись все его предки. Мальчик схватился за голову и зашептал себе под нос сбивчивые мольбы о спасении. Раздался громкий удар, звон искорёженного металла и грохот. Воздух наполнила новая волна криков и плача – всадники сломали монастырские ворота. Теперь жителям некуда было деваться. Затягвали какие-то псы, но их лай мгновенно сменился побеждённым визгом. На улицу выбежало несколько человек, но всадники догнали их и зарубили на месте.

Альфред не знал, как долго это продолжалось: полчаса, час, шесть часов или несколько минут, – он потерял счёт времени, – но, когда смолкли последние крики, убийцы исчезли так же стихийно, как появились, чёрной толпой уносясь обратно на юго-восток. Только тогда послушник смог выйти из укрытия.

Пол дымил чернотой и душил угаром. Отовсюду лезли языки пламени. Трясущимися руками Альфред вцепился в перила. Он осмотрелся в поисках места, куда ему можно было бы деться от наступающего огня, и его глаза остановились на соседней башенке монастырского амбара. Он горел – почерневшее дерево облизывали языки пламени, и крыша,

казалось, вот-вот рухнет, но всё ещё держалась на балках. Послушник, собрав всю волю в кулак, перелез через перила и прыгнул на сожжённую крышу. От удара его тела она треснула и обвалилась. Мальчишка отлетел от неё и кубарем свалился вниз, приземлившись на груды хлама, который остался от сожжённой телеги. При падении он задел головой торчащий откуда-то гвоздь и распорол себе щёку, но боли не почувствовал. Подол его одежды загорелся, и он затушил его голыми руками. Вытерев лицо, он увидел кровь, но не придал этому значения. Альфред встал и бросился к дому. Всё, что он видел вокруг, было разрушено и горело, повсюду лежали тела. Но больше вывернутого наизнанку уродства осквернённой обгоревшей человеческой плоти, послушника пугала звенящая тишина. Только ветер трепал сено да сгоревшим мясом. Всюду на дорогах валялось людское добро: тюки с разорванной тканью, еда, шерсть, лежали пустые сундуки. Всадники забрали всё, что смогли увезти.

– Отец! – закричал мальчик, подбегая к родному крыльцу. – Отец!

Внутри был только огонь. Альфреду вдруг почудилось, что в ответ он услышал своё имя, и он попытался войти в дом, но его лицо лизнули языки пламени, и Альфреда откинуло назад. Поднявшись на четвереньки, он увидел за углом тело мужчины, лежащее поперёк коромысла. Всадники обезглавили его отца, когда тот пытался укрыться в дубильне. Альфред повалился на землю, зажав рот рукой, и завыл,

как зверёныш.

Вдруг как из-под земли перед послушником выросла какая-то девушка.

– Альфред! – Рыдая, она бросилась к мальчишке, упала рядом и прижалась к нему всем телом. – Альфред!

Он не знал, кто она, или не узнал из-за синяков и грязи на её лице, но обнял. Её платье было разорвано, а по лицу и ногам текла кровь.

– Они всех убили, Альфред! – едва слышно шептала она разбитыми губами. – Всех! Они только убивали. Они убили всех...

Ужас ознобом скользнул по спине юноши. Он обернулся и посмотрел в сторону монастыря. Ворота, сорванные с петель, валялись на земле, а внутри не было ничего, кроме пламени.

Глава 2

Кровавый король Ангенора

Король Осе не спал вторые сутки. Всё время с вечерних сумерек до первых лучей солнца он стоял у окна своей опочивальни в самой глубине замка Туренсворд и размышлял о последних новостях, принесённых лазутчиками.

Тучи сгущались над его головой. Человек, которого он никогда в жизни не видел, но о котором многое слышал, его кровный враг, набирал силы.

Королю сообщили, что один из городов Приграничья был полностью вырезан несколько дней назад. У него не было никаких сомнений, что это сделали солдаты его вассала, графа Корбела, с недавних пор перешедшего на сторону человека, который провозгласил себя истинным королём Ангенора. Лазутчики сообщали, что предатель уже присягнул новому королю и даровал ему свою армию. Причины внезапной лояльности графа к самозванцу умалчивались, но король Осе в них и не нуждался. Он знал, что рано или поздно протектер Приграничья переступит черту, ища способ отомстить коро-

не, но он не думал, что их личные счёты приведут к началу гражданской войны.

Если граф примкнул к Теабрану, то его владения, пусть незаконно, но присоединились к владениям Ложного короля, близ руин печально известного замка Лит, тем самым расширив его территории до реки Руна, служившей границей между центральной частью Ангенора и северными землями. Но что настораживало короля больше всего, так это то, что, по словам доносчиков, всадники напали на Негерд с юго-востока, тогда как Озёрный замок находился севернее. В таком случае солдатам Адариха Корбела необходимо было пересечь тракт между двумя сторожевыми башнями, Столпами, а это уже отбрасывало тень на несущих там дозор касарийских наёмников, которые в своё время были изгнаны самратом Ютгейром и присягнули королю Эдгару.

Осе тряхнул головой, отгоняя скверные мысли. Как эти воины могли перейти Приграничье и остаться незамеченными? Целый отряд на скакунах с катапультой пересёк часть Ангенора, и никто ничего не видел! Никто! Где были глаза у его шпионов? Налицо была измена. Измена!

Король видел в случившемся и свою вину, отчего ему становилось ещё горше думать о произошедшем. Несколько месяцев назад Осе поступился своим единственным принципом – решать проблемы путём переговоров – и отказал Теабрану в аудиенции, и теперь ему было жутко из-за того, что его отказ спровоцировал гибель невинных людей. Научен-

ный горьким опытом король больше не хотел, чтобы проливалась чья-то кровь.

Он знал этот город. Будучи ещё ребёнком, он вместе со своим отцом, королём Эсsegридом, и старшим братом Эдгаром останавливался там на пути в Озёрный замок, когда отец собирался нанести визит графу Эрхарду Корбелу, отцу нынешнего хозяина замка. Отчего-то ему запомнился тот уголок, где дети играли у речки, а монахи, ведомые верой в Святую благодать, строили для себя небольшой монастырь.

Негерд был тихим уголком, где кроме ремесленников, которые ещё могли защититься – кто лопатой, кто молотом – из воинов были только люди графа. Если бы Осе знал, к чему приведёт его упрямство, под влиянием испуга перепутанное с решимостью, он бы принял этого ублюдка Теабрана и не пролились бы реки крови. Теперь же, когда бывший друг примкнул к его врагу, самопровозглашённый король северных земель принялся откусывать по кусочку от Ангенора, начиная с самых незащищённых уголков. Осе вдруг представилась страшная картина пылающего города.

Но, как бы ни грызло Огасовара изнутри чувство вины, король корил себя недолго. Очень скоро разум его начал искать доказательства того, что начало войне было положено гораздо раньше, чем он отказал Теабрану в личной аудиенции, а именно в тот день, когда он и его отец переступили порог Озёрного замка.

Именно тогда король Эсsegрид «Золотой Щит» Роксбург,

гордо сидя на могучей спине облачённого в доспехи боевого ангенорского быка, увидел ту служанку, чьего имени и лица Осе не помнил, но которой было суждено сыграть главную роль в истории Ангенора. У короля ушло мало времени на то, чтобы увлечься этой девушкой и снова позабыть данную королеве клятву верности. По обоюдному желанию это произошло или же нет, но, когда королевское семейство покинуло замок, та девушка уехала домой, на север, в крошечный рыбацкий городок близ Голой башни на острове Вале-вор, чтобы родить того, кто через несколько лет наберётся силы и власти, дабы претендовать на трон самого могущественного из существующих государств.

Будучи незаконнорождённым сыном короля, а потому имея весьма спорные права на ангенорский престол, Теабран всё это время не показывал носа с Холодных островов, но смерть единственного законного наследника Осе развязала ему руки.

Были ещё две принцессы, но женщины наследовать альмандиновую корону не могли, и этот закон теперь только усугублял положение короля как единственного человека, который теперь стоял между самозванцем и троном. И если в младшей Ясне, родной дочке, Осе души не чаял и мечтал увидеть сияющую алыми искрами корону на её белокурой головке, то про дочь старшего брата Осе и думать не хотел. Ему становилось дурно, даже когда королева Суаве просто упоминала о ней.

Вечёра... Когда-то он назвал её в честь первой звезды, что появляется на небосводе с наступлением сумерек, именем, звенящим, как ночной хрустальный колокольчик, но теперь в этом имени ему слышался рокот надвигающейся бури. Когда-то он пытался полюбить её, но теперь всей душой желал, чтобы она умерла. Как же он хотел, чтобы она умерла, она, а не его сын!

Каждый раз, проходя мимо портрета Вечеры в Красной галерее, Осе останавливался и глядел на неё, как люди смотрят на пожар, уничтожающий их дом. Жестокая, лицемерная дрянь! И никто не мог убедить его в том, что она невиновна.

Когда король узнал, что Негерд разграблен, первым его импульсом было всё бросить и исчезнуть. Слишком страшно ему стало нести ответственность за искалеченные жизни, и только тень умершего брата не дала ему сдаться. Если бы только в нём была хоть толика храбрости Эдгара! Тревога не отпускала. Что же будет дальше?

Вчера он приказал привести к себе Гезу. Это была странная женщина, прозванная в народе Леди Полудня. Люди говорили, что она происходила из рода древних полулюдей-полубогов эллари, которые живут в глубине Перламутровых гор. Говорили даже, что Леди Полудня лично знала богов. Она жила за городской стеной, в глубине Редколесья, в небольшой хижине под сикомором, которую, как она утверждала, построил её покойный муж, и всегда заходила в город через Ворота Мира – самые громоздкие и тяжёлые,

отделанные железом, с многочисленными замками. Чтобы открыть их, необходимо было больше всего времени и усилий зрителей, а потому кроме особ королевской крови ворота не открывали ни перед кем. Кроме неё.

Эта совершенно седая, неестественно высокая женщина, которой на вид было чуть больше тридцати, но в чьих серебряных глазах читались несколько столетий прожитой жизни, всегда носила только белую одежду и никогда не надевала обувь, даже зимой. Она говорила, что её сила в земле, и потому она никогда не должна терять с нею связь. Она раскрашивала руки древними узорами с помощью красящих трав и готовила отвары и настои от многих болезней. Только она знала правильный рецепт приготовления «Слёз Скаки» – снадобья из дурман-травы, где всего одна лишняя капля одного из ингредиентов превращала снотворное в яд, а недостаток одной капли другого туманил разум людям, и безумный бог Глуас овладевал ими уже навсегда. И только она знала сотни рецептов ядов из солянума, которыми травили кто – крыс, кто – нежелательный плод, зарождённый в утробе женщины вне брака.

Но главный её дар заключался не в этом. Геза умела общаться с камнями, как люди общаются друг с другом, и будто бы этим даром её наградила сама богиня магии Чарна. Геза задавала вопрос, и камни рассказывали ей всю правду. За это её уважали и боялись. Ответы камней никогда не расходились с истиной. Именно Геза однажды, сжимая в руках два

бурых граната, как безумная, закричала на всю рыночную площадь, что Паденброг будет обезглавлен, а уже на следующий день город узнал, что принцесса Вечера ранила наследника трона.

Осе очень боялся услышать ответ на свой вопрос, но надежда на то, что боги скажут через камни, как ему поступить, билась в его груди раненой птицей.

Гезу нашли на площади Агерат, когда она натирала ступни статуй богов благоуханными маслами. Она знала, что король пошлёт за ней, и заранее взяла с собой мешочек с гадальными камнями. Услышав просьбу короля, она села на пол тронного зала и, нащёптывая что-то тихо-тихо, высыпала камни перед собой. Красный альмандин, камень династии Роксбургов, разбился на две половинки, едва коснувшись мраморного пола. Необычайно длинными и тонкими пальцами Геза бережно подняла их и выложила на разрисованной ангенорскими рунами ладони. Её лицо ничего не выражало, будто всё, что она видит в камнях, ей глубоко безразлично.

– У вас чистое сердце. Такие, как вы, становятся хорошими королями, но проигрывают войну. Королевство будет расколото, и произойдёт это быстро, мой король. – Её нежный, как шенойский шёлк, голос бабочкой порхнул над тронным залом и эхом отразился от белоснежных гладких стен.

– Оно уже расколото. – Осе потёр аккуратную рыжую бородку. – Мраморная долина всё реже интересуется дела-

ми королевства, полностью сосредоточив внимание на своих рынках и банках. Шеной уже полгода как прибрал к рукам Крак Виа де Монте и Скорпионью нору и считает себя отдельным государством, а не частью Кантамбрии. Они даже достали из сундуков старые знамёна – зелёное полотно с тремя белыми шелкопрядами! Проклятые торгоши! Север тоже потерял до самого Приграничья стараниями графа Корбела. Куда уж королевству быть более расколотым?

Геза, казалось, не заметила его раздражения. Она кротко покивала, опустила лицо и провела рукой по камням.

– Наследник династии сможет победить врага.

– Королева сможет ещё родить? – поднял бровь Осе, памятуя о последних тяжёлых родах королевы, когда она более суток не могла разродиться Ясной и, по словам повитухи, больше рожать не могла.

Геза раздвинула смешавшиеся в кучу обсидианы и янтарь и посмотрела на короля своими огромными серебряными глазами в обрамлении длинных белых ресниц. Её необычное узкое лицо одновременно пугало Осе и заставляло зачарованно смотреть на него.

– Нет, – сказала она, будто произнося приговор королевской семье. – Я не вижу продолжения рода королей по вашей крови.

И сердце короля будто пропустило удар.

– Но в ваших силах найти наследника.

– Я не отдам трон кому бы то ни было не из моего рода, –

стукнул по подлокотнику Осе. – Мои предки передавали корону от отца к сыну с самого начала династии. Кто я такой, чтобы нарушать эту традицию?

– Камни не говорят о безвозвратной потере вами королевской власти, но в вашем роду должен быть наследник. Я вижу обсидиан рядом с вашим камнем. Это молодой, смелый мужчина, юноша, благородной крови. Рубин говорит о том, что он, возможно, уже воевал или ещё только собирается.

– Я знаю, о ком ты говоришь, – сказал король. – Его зовут Роланд. Это жених моей Ясны. Но даже когда они пожениятся, всё равно прямой наследник появится не раньше, чем Ясна родит, а это значит, что нам нужно минимум три года. И то это только в случае, если её первенцем будет мальчик – и если самозванец даст нам ещё лет семнадцать. Но война уже на нашем пороге. Как наследник трона, по-твоему, может помочь нам, будучи младенцем?

– Я говорю не о младенце – малыш Ясны едва ли может спасти королевство. И я говорю не о Роланде. – Геза прикусила тонкую губу и призадумалась. – Хотя, безусловно, его камни я тоже вижу. Лунный камень, туманная яшма. Мой король, вы уверены, что хотите, чтобы этот человек стал мужем вашей дочери?

– А что говорят камни?

– Что вы колеблетесь, но всё равно не слушаете моего совета.

– Родители Роланда – мои друзья. Они помогли мне, когда

я только взойшёл на престол после брата. Тогда против меня были почти все графы, потому что я не походил на Эдгара ни в чём. Если бы не эти люди, произошло бы восстание, а их поддержка помогла мне остаться у власти. Я обещал им, что наши дети поженятся. Я не могу нарушить обещание.

– Но почему не наследник южных земель? Его отец также поддержал вас и предлагал соединить в браке своего сына и вашу дочь. И его сын – юноша с чистыми помыслами и душой.

– Лаэтан? Сын этого двуличного безумца? – горько усмеялся король. – Побойся богов, Геза! Этот мальчик живёт в мире иллюзий, которые ему внушил его отец. Спроси у камней, каков Эрнан Монтонари, и ты меня поймёшь. Родители Роланда богаты, влиятельны и, что бывает редко, совершенно бесхитростны, до смешного предсказуемы и верны. В то время как Эрнан – интриган, ведомый только ему понятными мотивами. Он самовлюблён, азартен и непредсказуем. Я никогда не отдам свою дочь за сына этого кантамбрийца. Роланд – лучший вариант для моей Ясны, – король запнулся. – Они поженятся. Я так решил, а Ясна согласилась. Да, этот юноша вспыльчив, как его дед, иногда эгоистичен и заносчив, и, возможно, я бы предпочёл для своей дочери другого мужа, но этот молодой человек также силён, умен и обещает стать прекрасным воином.

– Вы убеждаете себя в том, что не соответствует истине, мой король.

Король тяжело вздохнул и задумался. Любого другого человека, который бы осмелился бросить правду ему в лицо, Осе в ту же секунду приказал бы кинуть в темницу. Но Геза знала, что к ней он и пальцем притронуться не посмеет.

– Я знаю, – обронил он, сжав губы. – Но, если выбирать между Роландом и Лаэтаном, я отдаю предпочтение первому, потому что поступки его родителей я вижу наперёд, а второй – стихия. Ни предсказать, ни усмирить. Даже наш казначей сбежал в Паденброг, подальше от власти Эрнана. Я не желаю, чтобы в наследниках моего трона текла хотя бы капля этой дикой крови. Роланд станет мужем Ясны. Я поселю их в замке, и он позаботится о ней и их будущем сыне, пока тот не вырастет и не унаследует мою корону.

– Тогда, если вы для себя всё решили, мой король, зачем же вы позвали меня? Чтобы я развеяла ваши сомнения? Но не эти ли сомнения уберегают вас от опрометчивого шага? Хотите знать, что боги хотят ответить вам на самый важный вопрос?

– Хочу.

Геза поднялась с пола и подошла к королю.

Подходить к Осе так близко имели право только приближённые к трону, но этой женщине он не посмел бы перечить, даже коснись она его.

– Возьмите. – Геза протянула ему мешочек с оставшимися камнями.

Король послушно взял мешок.

– Теперь подумайте, что спасёт королевство, какая сила окажется на вашей стороне и объединит его, и достаньте оттуда любой камень.

Осе не хотел принимать участие в гаданиях, потому что при всех своих регалиях правящего короля всё же не считал себя достойным личного общения с богами, но не посмел отказать Гезе. Он сунул тонкие пальцы в мешочек и вытянул оттуда первый же попавшийся камень.

Это был огненный опал.

– Вы знаете, чей это камень, мой король? – Ласковый голос ведьмы проникал королю в самую душу.

– Нет.

– Скоро узнаете. Очень скоро. Этот камень холоден, но этот холод лишь видимость – он обманчив. В нём хранится пламя, что бушует в душе этого человека. Его приведут сюда сами боги. Этот камень недавно нашёл своего обладателя и покинет его лишь со смертью. Он поведёт за собой народ на борьбу с тем, кто угрожает королевству, и люди пойдут за ним. Пойдут, потому что поверят. Вы сами только что своей рукой выбрали его. Это ваша судьба и его судьба.

Спокойствие этой женщины с серебряными глазами и её убеждённость в сказанном пробирали короля до костей, как лютый зимний мороз. Он более не мог выносить её присутствия, как если бы за спиной Гезы стояли и глядели ему в душу все боги и духи незримого мира.

Король приказал увести эту женщину.

Глава 3

Пурпурное сердце влюблённой принцессы

В день, когда Влахос должен был вернуться из Приграничья, служанка разбудила Ясну ни свет ни заря.

– Принцесса, вставайте! Уже утро! – полушёпотом произнесла она, склонившись над усыпанной золотыми волосами бархатной подушкой, и легонько тронула белоснежное плечико. – Принцесса Ясна!

– Что? – пробубнила сквозь сон девочка и лениво повернула светленькую головку. – Что случилось?

– Вы просили меня разбудить вас, когда дозорный скажет, что Ловчие уже близко...

Не успела служанка договорить, как принцесса вскочила, будто её окатили ушатом ледяной воды, и откинула шёлковое одеяло.

– Что-что?! Уже? Почему ты меня раньше не разбудила, глупая ты служанка?! – по-детски смешно возмутилась она

и потёрла заспанные глаза.

— Всадники ещё на горизонте, — поспешила та оправдаться. — Мне смотрящий на башне сказал, что они ещё там... — растерянно лепетала Ирма. — Не быстрее, чем через полчаса, они доберутся до Сумеречных Ворот, потом пересекут город и окажутся в замке...

— Ладно-ладно. — Ясна замахала руками, будто прогоняя назойливую муху. — Принеси мне воды.

Для всего двора этот день был самым обычным, но для младшей принцессы он обещал стать особенным, ведь сегодня после важного задания в Приграничье в замок возвращался Влахос, и Ясна уже порхала, как бабочка, в ожидании встречи. Она не видела его уже больше недели, и теперь её душа пела счастливыми трелями жемчужных скворцов.

Как она наивно полагала, никто в Туренсворде не догадывался о её увлечении Ловчим. И отчасти она была в этом права — разве что отец пребывал в блаженном неведении, почему его любимая дочка иногда бывает особенно взволнована и рассеяна, и никак не связывал это с моментами, когда Влахос Бродяга появлялся в её поле зрения. Придворные же лишь в самом начале забили тревогу из-за её пылкого увлечения наёмником, но сам виновник смутных домыслов, услышав озвученные подозрения, лишь засмеялся и по-прежнему оставался подчёркнуто вежливым с влюблённой в него дочерью короля, не скрывая своего к ней полного равнодушия. Кто-то молчал, кто-то снисходительно ухмылялся

её очевидным знакам внимания безродному солдату, кто-то понимающе качал головой, но все признавали одно – в этом увлечении не было ничего серьёзного, как и в предыдущих, и принцесса едва ли в последний момент наберётся смелости и отвергнет наследника Алого утёса.

Но Ясна была влюбчива и любила мечтать, пребывая в томительном ожидании Влахоса, и чем чаще реальность напоминала ей о женихе, тем отчаяннее она мечтала, что однажды Влахос из Ровенны украдёт её и увезёт туда, где её никто не заставит выходить замуж за заносчивого Роланда. Пусть в Перевёртыши, пусть в Долину чёрных деревьев, лишь бы подальше от её клятвы отцу. И пусть этим мечтам не было суждено стать явью, в них Ясна находила своё маленькое надёжное убежище, где она часто укрывалась от реального мира.

Служанка помогла ей умыться, расчесала её длинные, едва тронутые рыжиной волосы и заново вплела в них белые ленты. Ясна долго перебирала сундуки с платьями, выбирая между атласом и бархатом, золотой вышивкой и серебряным кружевом, пока не остановилась на нежно-голубом шёлковом платье с белыми кружевными рукавами до пола. «Ему должно понравиться», – решила она. Это было её самое лучшее платье, подаренное на прошлый день рождения графом южных земель; к тому же в нём, как говорили льстивые придворные, Ясна походила на богиню ветра Доран.

Аккуратно зашнуровав корсет, Ирма помогла своей прин-

цессе перетянуть талию красным кушаком, который украшали серебряные цветочные узоры. В Ангеноре до своего расцвета девушки не носили пояса, но в день, когда они переставали быть детьми, им повязывали на талию алый кушак – знак созревшей красоты. Ясна расцвела поздно, почти в четырнадцать. Мама очень из-за этого переживала, а Геза говорила, что если богине-матери Беркане угодно, чтобы принцесса вступила в пору расцвета поздно, то так тому и быть. Однажды до короля дошёл слух о порче, и перепуганный отец приказал принести в жертву богу здоровья Веньё одну пятую урожая хлопка за месяц. Такого огромного костра Ясна ещё не видела никогда в жизни. Языки этого пламени, казалось, лизали небеса над площадью Агерат, будто на землю упала и продолжала полыхать огромная комета. А через два дня Ясна узнала, что она уже больше не ребёнок. Когда мама впервые надела на неё алый кушак, Ясне казалось, что все придворные смотрят на неё, и ей становилось стыдно, как если бы она прошла по Туренсворду в плаще из окровавленной простыни. Но позже она привыкла и теперь смиренно ожидала того момента, когда после свадьбы сменит красный кушак на зелёный.

– Вы выглядите чудесно, – любовалась принцессой служанка, когда та придиричиво разглядывала своё отражение в зеркале. От бабушки по материнской линии Лейветты Ферро Ясне досталось простое открытое лицо, главным украшением которого служили юность и свежесть, но, как все де-

пушки её возраста, младшая принцесса находила в нём массу несуществующих недостатков. Втайне она мечтала быть похожей на Вечеру, которая, в отличие от сестры, унаследовала скульптурную внешность Роксбургов. Ясна считала её красивее себя и тайно завидовала сестре. Она видела, как мужчины заворожённо смотрят на Вечеру, и ей хотелось, чтобы они смотрели на неё точно так же. Ясна чувствовала себя каплями росы рядом с пригоршней бриллиантов.

Из окна её спальни был виден внутренний замковый двор и Сумеречные Ворота в городской стене, выходящие на подъездную дорогу, по которой должен был приехать Влахос. Он никогда не возвращался в замок через Ворота Воина, через которые обычно проходили Королевские кирасиры или пешая армия Паденброга. Влахос и его люди, в отличие от солдат, редко покидали город, а служили по два-три человека, патрулируя ночные улицы. Когда они нет-нет, да и покидали пределы Паденброга по распоряжению короля, открывать из-за пары-тройки всадников массивные ворота было слишком долго и сложно, а Сумеречные ворота были меньше и легче даже Ворот Воина. И, в конце концов, Ловчие не были Гезой, чтобы даровать им особые привилегии.

Туренсворд был полон солдат. По всему периметру зубчатой настенной галереи располагались пушки и онагры, ярусом ниже – ряд катапульт, во всех бойницах каждой из караулен, выстроенных в форме многоугольников, стояли арбалетчики, а на верху открытых надвратных башен ждали

своего времени бочки для кипящего масла – король буквально наводнил замок охраной после известий о предательстве графа Корбела. В самом большом внутреннем дворе между бычьим загоном и северной частью донжона ещё при короле Эдгаре пристроили Ласскую башню, предназначавшуюся для жителей замка, которые бы спрятались в ней в случае нападения. Над землёй виднелась лишь одна треть сооружения, в то время как большая часть башни уходила глубоко под землю. Сейчас там располагались казармы Королевских кирасиров, арсеналы и большая кухня. Сама башня соединялась с донжоном длинной открытой галереей.

Пока служанка застилала постель, Ясна стояла у окна и глаз не сводила с замковых ворот, ведущих во внутренний двор. Приятное волнение томило грудь. Одна минута тянулась как десять, а десять – как целый час. Ясна вся извелась в ожидании и терзала кружевной рукав. Служанка предложила принцессе скоротать время за вышивкой, но Ясна от волнения не смогла даже вдеть нитку в иголку. Замок начал просыпаться, и коридоры за дверью наполнялись звуками шагов, разговорами и смехом. И тут с улицы донёсся знакомый цокот. Ясна белкой бросилась к окну. Подъездные ворота отворили двое слуг, и внутрь, гордо восседая на вороном жеребце, въехал всадник в чёрных доспехах, за его спиной развевался алый плащ из тяжёлого шёлка. Отсюда было плохо видно его лицо, но длинные, совершенно седые волосы, забранные кожаным шнуром в хвост на затылке, выдава-

ли в нём Сеара, старшего из отряда Ловчих. Ясна разочарованно вздохнула. Этот поджарый наёмник был вовсе не тем, кого она ожидала увидеть. Перед собой Сеар держал неизвестного юношу в чёрной одежде. Ясна уже видела такую на отце Ноэ, который несколько лет назад пришёл в Паденброг из самого Пустодола и теперь служил духовником королевы Суаве.

«Это, наверное, выживший из Негерда...» – подумала она.

Не успела принцесса закончить свою мысль, как в ворота стрелой ворвался другой, такой же вороной и тонконогий скакун. Ясна узнала всадника – это был Влахос, – и её сердце застучало быстрее. Перед ним, вцепившись в поводья, закутанная в плащ, красным коконом сидела девушка, и Ясну уколола ревность. Молодой наёмник подозвал к себе одного из слуг, сказал ему что-то, и тот помог девушке выбраться из седла. Слуга повел её в сторону донжона, а сам Влахос направил своего коня к небольшому, выложенному бело-красной мозаикой, фонтану у стены, чтобы напиться чистой воды после долгого пути по ангенорским долинам. Принцессе понадобилось всего несколько минут, чтобы выбежать из спальни и, распугивая стремительным бегом придворных, оказаться у входа в королевские конюшни.

Там, в глубине, находились стойла для скакунов северных наёмников. Ясна точно знала, что Влахос придёт сначала сюда, чтобы оставить своего коня, и лишь потом поднимется

к королю. Юркнув в глубину пропахшей конским потом и сеном конюшни, Ясна притаилась за дальней колонной, на которой на крюках висели сёдла и стремена. В далёком детстве, когда они с Инто, сыном конюха, ещё не совсем понимали, насколько глубока пропасть между ними, они часто прятались здесь от слуг и хрустели яблоками, покатываясь со смеху, когда те вместе с няньками сбивалась с ног в поисках принцессы. Теперь же, повзрослев и полностью игнорируя существование старого друга, принцесса появлялась здесь только тогда, когда хотела проследить из-за укрытия за Ловчими.

Отсюда был хорошо виден вход, и Ясна замерла в ожидании.

Меньше чем через минуту в конюшне появился Влахос.

Ясне было шестнадцать, и она уже давно начала обращать внимание на окружающих её мужчин. Ни о каком фривольном общении с ними речи не шло, как не шло речи и о недостойном флирте, который себе позволяли придворные дамы, но и она всеми силами старалась обратить на себя внимание сильного пола не как принцесса крови, с которой принято быть обходительным, а как девушка.

Ясна часто влюблялась. Первым её избранником стал придворный художник, что несколько лет назад писал её детский портрет для Красной галереи, но с окончанием его работы куда-то пропало и её увлечение. Вторым был кто-то из стражи, его имя Ясна забыла в тот же день, когда узнала, что он

женился. Третьим был кто-то из торговцев шёлком из Кантамбрии, потом Альвгред, сын легата Королевских кирасиров, пятым стал менестрель, который часто пел на площади Агерат, пока его не поймали на воровстве и не казнили, и вот теперь её взор пал на молодого командира Ловчих.

Эти северяне были вообще не похожи на ангенорцев. Длинноволосые, как чародеи, с бледной кожей – они больше походили на племя воинственных ночных лесных охотников из легенд о рыцарях и колдунах, чем на людей. Только их чёрнёные доспехи не сверкали в лунном свете, а вместо изящного лука и стрел они использовали клинки, которые называли «Летучая мышь» из-за особого вида рукояти, напоминавшей раскрытые крылья маленького кровососа, да спрятанную в левом рукаве гарроту. Но, сколько бы дамы не восхищались их тонкими, но мужественными лицами, для Ясны ни один из них не был так же красив, как их предводитель. Она не сомневалась, что имя Влахоса на языке его народа значит что-то такое же гордое, как и его обладатель, но спросить стеснялась – как, впрочем, стеснялась вообще заговорить с личным охранником отца.

Принцесса затруднялась предположить, сколько ему было лет, но Влахос был далеко не самым старшим из своего отряда. Куда старше его был Сеар, но и этот седовласый воин, как и всё их племя, беспрекословно подчинялся молодому командиру. Временами лицо Влахоса казалось Ясне совсем юным, как у Инто или Гарая, королевского лекаря, а време-

нами это было лицо взрослого мужчины, прожившего целую жизнь. Может быть, причиной тому служила ранняя седина, которая то тут, то там серебрила его волнистые чёрные волосы, а может быть, морщины, которые глубокими бороздами пересекали его лицо в уголках глаз, когда редкая улыбка трогала его губы, такие тонкие, что поцелуй он девушку, они бы разрезали ей лицо, как нож — бумагу. Этот смелый мужчина напоминал ей сразу и принца-Сокола, убившего забавы ради любимую соколиху бога леса, и потому обречённого до окончания времён каждую ночь оборачиваться огромной хищной птицей, и воина Ильдерада, который катит в гору каменный щит, чтобы закрыть им солнце и луну и во тьме увидеть свою возлюбленную Одени. И Ясна любовалась иноземцем, отдаваясь иллюзиям и красивым смелым мечтам, краснея, как дурочка, когда Влахос замечал на себе её взгляд.

Ясна боялась представить, что пережил он и его люди, когда войска Теабрана выжгли его город дотла. Однажды она упросила Сеара рассказать ей об этом. Седой наёмник не хотел беречь старые раны и сказал только то, что Влахос был главнокомандующим войск Ровенны, главного замка долина Гирифор, что возвышался над обрывом у Залива горящего неба. Однажды он получил вести с юго-западной границы, что через дельту Скрытой реки к замку князя Ээрдели идёт вражеская армия в несколько десятков тысяч вооружённых солдат, собрал всю армию и повёл остановить врага прежде, чем он подойдёт слишком близко к городу. Но когда Влахос

и его люди пришли на место, они увидели лишь голые поля и ни души вокруг. Оказалось, что шпионы Теабрана перехватили его людей и отправили вести о нападении от их лица, направив войско Влахоса по ложному следу. Когда он понял свою ошибку и повернул обратно, было уже поздно – враг прошёл через Керестайские горы и напал. Ровенна была сожжена, а в городе хозяйничали воины Ложного короля. Влахос предпринял попытку отбить город, но войско захватчика превосходило его вдвое, а их страшные машины, которые Сеар раньше никогда не видел, жгли людей живьём, превращая их тела и железные доспехи в обугленные головешки меньше чем за минуту. Армию Влахоса разбили, и оставшиеся в живых были вынуждены спастись бегством. После месяцев скитаний по соседним землям северным бродягам повстречались воины под предводительством Согейра – тот вёл своих людей перехватить кочевое войско, о котором королю Осе сообщили лазутчики. Именно легат Королевских кирасиров приказал отвести измождённых скитальцев в Паденброг, где в обмен на помощь, еду и крышу над головой Влахос и все его люди присягнули королю Осе.

Поначалу Влахос был единственным при дворе, кто никогда не кланялся королю, что Огасовар принимал за неуважение, но скоро Влахос, как и все, научился чтить обычаи нового дома. При дворе его люди выполняли разные задачи. Часть наёмников распределили между легатами и отправили в разные части Ангенора для охраны ближайших го-

родов. Часть осталась в Туренсворде обучать ближнему бою молодых кирасиров, часть пополнила войска лучников Гаала. Влахос же и несколько людей, которым он особенно доверял, стали охранниками королевской семьи.

Дело в том, что почти сразу после коронации Осе в городе прошла волна бунтов – народу не нравились новые законы о налогах на содержание армии, которая в последнее время кроме всадников на быках и инженерных войск состояла сплошь из наёмников с юга и запада. Сначала это были мелкие потасовки на рыночной площади, на которые любой правитель на месте Осе посмотрел бы сквозь пальцы, но однажды разгорелось настоящее восстание. Это были дубильщики кожи, не согласные с указанием короля повысить цены на сырьё. Когда король с принцессами и принцем ехал в карете на площадь Агерат возложить дары к ногам богов, толпа напала на них и начала раскачивать карету. Кто-то кинул в окно бутыль с едкими щелочами. В ход пошли топоры и камни, залязгали ножи. В этот момент подоспел Влахос. Пробивая себе путь клинками, ему и его людям с трудом удалось отбить королевскую семью у взбесившейся толпы прежде, чем карету разрубили топорами.

Осе до сих пор помнил безумие в глазах этих людей, которые смотрели на него, как на воплощённое зло, и не хотел больше рисковать. До него ни один из королей не пользовался охраной, теперь для Роксбургов настали совсем иные времена.

Осе доверял Влахосу безоговорочно и абсолютно, а тот был благодарен королю за дом и пропускал мимо ушей обидное прозвище Бродяга, которым его нарекли придворные. В отличие от остальных наёмников, которые довольно быстро обжились на новом месте и уже успели жениться и обзавестись детьми, их предводитель этого делать не спешил, неся бремя одиночества как наказание за смерти тех, кого он когда-то оставил без защиты. И эта добровольная аскеза ещё больше разжигала в груди юной принцессы пылкое желание оказаться той самой, кому он «отдаст своё страдающее сердце».

Сейчас, притаившись за колонной, Ясна во все глаза глядела, как Влахос ухаживает за своим конём. Его скакун был самым высоким из всех. Мощное тело, длинная шея и невероятно тонкие ноги с копытами, по северному обычаю покрашенными в изумрудный цвет, как полотно флага долины Гирифор, – скакун создавал впечатление невероятной силы и лёгкости, как стрела на натянутой тетиве. Рядом с ним топталась кобыла Ясны Ситри, которая казалась крошечным пони рядом с северным красавцем. Лагор, конь Сеара, уставший и ждущий конюха, который сотрёт с него пену, стоял позади Ясны и тыкался мордой ей в спину. Он хотел получить припрятанное принцессой яблоко, которое унюхал у неё в кармане. Ясна бросала на него грозные взгляды и дёргала плечом. Наконец настырное животное издало обиженное ржание, цапнуло девушку за шею и схватило зубами

прядь светлых волос. Ясна испуганно завизжала.

– Кто здесь? – Встревоженный Влахос бросил своего коня и поспешил вглубь загона. Живя в Ангеноре пять лет, он всё ещё говорил с грубым гирифорским акцентом, из-за которого в его словах всё время слышалось шипение змей.

Командир Ловчих мгновенно оценил масштаб бедствия, выругался и принялся оттаскивать вредное животное от жертвы. Лагор упирался и продолжал жевать белокурые волосы.

– Пусти её! Пусти!

– Ай, больно! – Ясна, напуганная возможностью лишиться части головы из-за собственной оплошности, дёргала зажёванные пряди. Лишь через минуту Лагор внял словам предводителя Ловчих, фыркнул, заржал и выплюнул волосы принцессы.

– Вы в порядке? – спросил Влахос, затакивая коня подалее в стойло.

– Он мне волосы выдрал! – жаловалась принцесса. – Вырвал с корнями!

– Нет, не вырвал. – Влахос взял в руки пожёванные мокрые пряди. – Только пожевал и намочил слюнями. Смотрите.

– Нет?

– Нет. Всё в порядке.

Действительно, все волосы принцессы остались на месте, но выглядели ужасно. Ясна облегчённо выдохнула.

– Слава богам! Я же могла остаться без волос.

Влахос повёл бровью.

– Лучше вам отдать ему угощение, – посоветовал наёмник, – иначе он снова захочет вас укусить.

Ясна замерла, как застигнутая врасплох.

– Яблоко в вашем кармане. – Влахос указал взглядом на её юбку с потайными карманами в складках. – Он всегда так себя ведёт, когда чувствует их рядом. Это его слабость.

Ясна поджала губы. Она приготовила это яблоко вовсе не для Лагора, она хотела отдать его совсем другому коню.

– А если он откусит мне палец?

– Не откусит. – Аквамариновые глаза мужчины скользнули по её лицу. – Обещаю.

Влахос снял перчатку, обнажив длинные пальцы, исцарапанные мелкими порезами от рукояти Летучей мыши. У его бедра, прямо под поясом, блеснула позолоченная маска в виде змеиной морды с чёрными глазницами. Эти маски Ловчие надевали во время ночного дозора, и они очень пугали впечатлительную Ясну, будто Ловчие вовсе переставали быть людьми.

Ясна смущённо достала из кармана юбки спелое красное яблоко. Лагор заинтересованно затоптался на месте и замотал головой.

– Отдайте вы, – попросила она. – Я его боюсь.

Ясна протянула Влахосу яблоко, но мужчина взял её руку, так что щёки девушки вспыхнули румянцем, и протянул её коню. Тот быстро лизнул пальцы принцессы и жадно проглотил.

тил угощение. Это было щекотно и мокро – забавное ощущение. Ясна засмеялась и попыталась убрать руку, но Влахос её удержал.

– Дайте ему доест, иначе он обидится и в следующий раз пнёт вас копытом.

– Он вас пинал?

– Бывало. Он не трогает только своего хозяина. Никогда.

Расправившись с угощением, Лагор в ту же минуту потянулся к принцессе всякий интерес и отошёл в глубину стойла.

– Если честно, это яблоко я приготовила для вашего коня, – призналась Ясна, вытирая руку пучком сена. – Он же любит яблоки?

– Багрян любит есть их из рук принцесс не меньше Лагора. – Интонация, с которой ответил Влахос, не давала принцессе шансов понадеяться, что он не заметил её смущения. – Но, боюсь, он уже сыт. По пути из Негерда мы останавливались на постоялом дворе близ Столпов, благодарю. – Влахос легко поклонился и отошёл к своему скакуну, который терпеливо ждал у своего стойла. Конь повернул к нему голову и начал ласкаться, подставляя нос хозяину.

Влахос прошептал ему что-то так, как если бы конь был не животным, а его другом или братом, и Багрян дёрнул ухом. Как же Ясне хотелось его понимать, но на просьбу научить её их языку все до единого северяне ей отказали.

– Я чем-то ещё могу вам помочь, моя принцесса? – Влахос отвлёкся от скакуна и повернулся к Ясне. Титанически-

ми усилиями воли принцесса загнала девичий трепет перед этим мужчиной в дальний угол своей души и спросила:

– А можно его погладить?

– Он весь в поту – вы испачкаетесь.

– Мои волосы только что жевали, и руки испачканы слюнями. Не думаю, что стану ещё более чумазой.

– Как пожелаете. – Мужчина решил уступить желанию принцессы.

Она подошла к коню, и тот послушно подставил ей голову. Ситри ревниво заржала.

– Он же меня не укусит?

– Багрян не кусается.

Когда ладонь принцессы коснулась гладкого мокрого конского виска, Багрян покосился на неё янтарным умным взглядом.

– Вы ему нравитесь.

Под рукой принцессы забилась жилка.

– А что значит имя Багрян?

– Закат, – ответил Влахос и поправил съехавший в сторону хомут, – по-вашему это закат.

– Красивое имя. Вы сами его так называли?

– Нет.

– А кто?

– Один человек, который был мне когда-то близок.

Она хотела спросить – его ли это невеста, которая, возможно, погибла при нападении Теабрана на Ровенну, но про-

молчала.

– А что значит имя Лагор?

– Пламя. Так в Ровенне называлось пламя факелов, которые зажигались на горной цепи, когда соседние земли предупреждали о нападении со стороны.

– А что значит ваше имя? – Ясна будто пропустила это объяснение мимо ушей.

– Мм?

– Влахос. Что значит это имя?

– Его значение совсем не так поэтично. Почти как «бродяга».

– Разве? – Ясна удивилась. – Мне интересно.

Мужчина немного поразмыслил.

– Нет-нет, – покачал он головой. – Я слишком долго работал над тем, чтобы впечатлить вас своей отвагой, чтобы всё разрушить единственным словом.

– Мое имя тоже не особенно поэтично. – Принцесса скривила смешную мордочку. – Это имя звезды в созвездии Волка – разве это имя для принцессы? – искренне посетовала она. – А всё потому, что отец в юности увлекался астрономией. Помимо этого, он ещё любил и поэзию. Никогда не понимала, почему он не назвал меня в честь одной из героинь его любимых книг или королей нашей династии? Например, в честь королевы Сегюр. Мне кажется, это имя для настоящей королевы.

– Может быть, потому что королева Сегюр была безумна

и после смерти мужа не давала похоронить его в Долине королей, а, когда его всё же у неё забрали, она утопилась в Руне в том месте, где сейчас стоит мост её имени? А все героини книг – лишь плод воображения автора?

– И ими восхищаются.

– Вами тоже. Абсурдно жаловаться, что вас не называли в честь героини какой-то книги, когда этих героинь называют в вашу честь.

– И они всегда прилежны и нежны, как цветы. Всегда смущаются и задыхаются от прикосновения возлюбленного.

– А вы разве нет?

– Я намного смелее, чем они, и никогда бы не смутилась в присутствии любимого.

– И, надо полагать, в вас живёт дух бунтарства?

Ясна поджала губы. Ещё никогда она не чувствовала себя более глупо. Её смущение вызвало у Влахоса лишь снисходительную улыбку.

– Вы разрешите? – спустя пару секунд тихо спросил он. Умные глаза смотрели в лицо принцессы, и непривычная улыбка играла на его губах.

– Что?

Влахос внимательно посмотрел принцессе в лицо и подался вперёд. Лицо Ясны вспыхнуло краской, когда лицо мужчины вдруг оказалось совсем близко от неё. Он поднял руку, будто желая провести пальцами по её щеке. Это будет самое желанное прикосновение за все шестнадцать лет жизни Яс-

ны, а ведь она совсем не готова к такому проявлению чувств. Так, значит, она ему тоже нравится? А что скажет отец, если узнает? Она никому не скажет, никогда. Сохранит это в тайне... Но Влахос лишь расстегнул защёлку на подпруге Багряна позади принцессы. Он заметил её разочарование и стыд – Ясна не Вечера, все её чувства отражались у неё на лице, и мужчина нашёл в этом странное удовольствие.

– Прошу меня простить, – сказал он, сдерживая ухмылку, – но сейчас меня ждёт ваш отец. Да и ваши слуги, наверное, уже ищут вас по всему дворцу. Идите к ним, иначе все решат, что вы здесь из-за меня. Но мы же с вами знаем, что это не так. Верно, моя принцесса?

С этими словами он легонько шлёпнул Багряна по шее и вышел на улицу, оставив животное подоспевшим конюхам. Они удивились, увидя принцессу в полутьме стойла, и начали кланяться, но Ясна поспешила избежать их учтивости и вернулась к себе в комнату тем же путём, каким и пришла. После встречи с Влахосом её переполняли самые разные чувства, и она с трудом могла устоять на ногах. Он ей нравился гораздо больше, чем позволялось наследнице трона.

Глава 4

Сложное решение

Пока уставшие после долгой дороги дети ожидали в коридоре, Влахос передавал королю не самые приятные вести с окраин Ангенора.

– Боюсь, что мы имеем дело не с изменой, – заключил он, кратко изложив свои наблюдения. – Мы были в Столпах и говорили с Хранителем и его дозорными – они ни при чём.

– То есть как? – удивился Осе. – Ты хочешь сказать, что целое войско прошло перед их носом и никто не увидел в этом ничего удивительного? Если это не измена, тогда что? На всех касарийцев внезапно напала слепота?

– Нет, они не ослепли, мой король. Они были обмануты. Король ошетинился при слове «обмануты».

– Поясни.

– Помните тот случай после восстания кожевников, когда один известный нам человек, подкупленный Теабраном, сразу после вашего временного отбытия в Мраморную долину передал легатам неверный приказ о казни пойманных под-

стрекателей?

Осе старался не вспоминать тот ужасный день, который оставил на его имени несмываемое пятно позора. Но слова предводителя Ловчих заставили его мысленно вернуться в то утро, когда гонец донёс ему вести, что все мятежники, согласно его же приказам, были замучены и казнены, а их тела оставлены висеть вдоль стены арены на радость воронам. Конечно, король, как только вернулся в город, распорядился снять покойных и немедленно захоронить, так как прекрасно понимал причину, которая побудила этих людей устроить восстание, но ему не давала покоя мысль, кто мог дать его солдатам фальшивый приказ. Предателем оказался помощник Согейра, легата кирасиров, который оценил свою верность короне в один мешок золотых монет с клеймом в виде лилии. Его поймали при попытке бегства из города среди ночи под предлогом патруля, допросили и получили признание, однако и его публичное повешенье не спасло Осе от прозвища Кровавого короля.

– Такое сложно забыть.

Влахос продолжил:

– Так вот, по всей видимости, Теабран и его шайка стали лучше продумывать свои действия. Когда мы с Сеаром прибыли в тот город...

– Негерд, – перебил его король. – Этот город назывался Негерд.

Ловчий исправился:

– Когда мы с Сеаром прибыли в Негерд и нашли в амбаре выживших, они напали на нас. Конечно, они были безоружны, но девчонка так брыкалась, что рассекла Сеару бровь какой-то палкой.

– И что? – пожал плечами король. – Они ведь были напуганы.

Влахос согласно кивнул.

– Безусловно. Но давайте представим себе ситуацию: скажем, на вас среди леса нападают разбойники, но вам удаётся сбежать. Вы стремглав бежите по лесу, выбегаете на просеку и случайно сталкиваетесь с проезжающими мимо благородными всадниками. Вы станете на них нападать?

– Нет, – ответил Осе, хотя приведённая аналогия показалась ему несколько неуместной.

– Верно, вы попросите помощи.

– Скорее всего.

– А если на их месте окажутся оборванцы с топорами и верхом на плешивых клячах?

– Постарался бы спрятаться. Они могли быть такими же разбойниками.

Влахос развёл руками, будто только что объяснил королю что-то и без того очевидное.

– Теперь вы понимаете, о чём я говорю? – Он многозначительно приподнял брови. – Эти двое приняли нас за тех всадников, что сожгли их город и которые якобы вернулись, чтобы добить тех, кто остался в живых.

Король нахмурился и заёрзал на троне.

– Но почему?

– Об этом вам лучше расскажут они сами.

– Где они?

– Ожидают за дверью.

– Введи их.

Влахос прошёл к двери и жестом указал Сеару впустить выживших.

Осе ожидал увидеть кого угодно из тех, кто силой смог отбиться от нападавших, но никак не двух детей. Девушке, такой же беленькой, как его Ясна, на вид было не больше шестнадцати. Мальчишке, возможно, чуть больше. Оба, перепуганные и грязные, кротко опустив глаза, пересекли тронный зал и остановились у трона, устало преклонив колени. Вокруг худенького тела девушки всё ещё был обёрнут алый плащ Влахоса.

«Как похожа на Ясну», – король обратил внимание на очевидное внешнее сходство девушки с дочерью, и ему стало совсем худо смотреть на неё, будто перед ним в крови и грязи, униженная и избитая, стояла его родная дочь. Мальчишка же был молодой копией отца Ноэ, от коротко стриженных волос до монашеской рясы из грубой чёрной ткани. Глубокий порез на щеке, наспех замазанный мазью из трав и масла, уродовал его простое деревенское лицо.

– На них были чёрные доспехи, – говорила девушка слабым от усталости голосом, отвечая на вопрос короля,

и украдкой взглянула в сторону Влахоса. Тот молча кивнул ей, давая понять, что бояться нечего.

– И красные плащи с серебряными застёжками, как у вас, – сказала она Влахосу, и слёзы снова потекли у неё по исцарапанным щекам. – Простите, я не хотела на вас нападать, но те!.. Те всадники были точно как вы! Даже у их коней были такие же доспехи и изумрудные копыта! Я не хотела, простите!

– Тебе не за что просить прощения, дитя, – попытался успокоить девушку король. – Здесь этих всадников нет, а Влахос не причинит тебе вреда. Так с какой стороны они напали на Негерд?

– С юго-востока, мой король, – ответил послушник. – Я сидел на Колокольной башне и видел, как они пришли с юго-востока.

– Ты уверен?

– Да. По той же дороге на ярмарку каждый год приезжают купцы из Паденброга. Поэтому я не сразу зазвонил в колокол, я думал, что это они, а когда увидел, что это вооружённые воины, было уже поздно. Слишком поздно. Это я во всём виноват, мой король. Это только моя вина.

– Не думаю, что всё сложилось бы иначе, зазвони ты в набат на пару минут раньше, монах. Ты сделал то, что должен был. Твоей вины здесь нет.

– Но боги меня теперь накажут.

– Боги? – изумился король. – Я думал, ты исповедуешь

новую религию.

– Бог, прошу прощения. – Альфред стыдливо побагровел. – Бог меня теперь накажет.

Осе тяжело вздохнул.

– Можно ли мне задать вам вопрос? – Послушник поднял глаза от пола.

– Да, монах.

– Наш дьякон. Он выехал в сторону Паденброга за несколько дней до нападения, чтобы попросить о ссуде для нашего монастыря. Он здесь? Вы его видели?

Осе нахмурился.

– Не припомню такого. Ко мне никто не приезжал из Приграничья уже несколько месяцев.

Альфред потупил взгляд.

– Ладно, идите, – сказал король, жестом подзывая слуг. – Я прикажу приготовить вам комнаты. На кухне вас накормят. Потом решу, что с вами делать.

Когда послушник и девушка проходили мимо Влахоса, она обернулась и одними губами сказала ему: «Спасибо». Тот ответил лёгким кивком и, пожалуй, задержал на ней взгляд чуть дольше, чем следовало, что не ускользнуло от внимания Сеара.

Когда дверь за ними закрылась и мужчины остались один на один, Осе поднялся с трона и прошёл к длинному занавесу, отделявшему тронный зал от балкона. Он отодвинул тяжёлую ткань и посмотрел на уже давно проснувшийся го-

род внизу, готовый начать свой обычный день. Лёгкая дымка уже подёрнула горизонт. Тёплый ветер пах кровью и переменами.

– Похоже, что дело обстоит куда хуже, чем я предполагал, – с тяжёлым сердцем подытожил он. – Ты можешь развеять мои опасения, Влахос?

– Боюсь, что нет, мой король. Теабран заставил все земли говорить о том, что вы направили моих людей сжечь Монастырь-на-Руне.

– Глупость какая! – взорвался возмущением Осе и с силой задёрнул занавес. – Зачем мне это делать, скажи на милость?! Моя королева поклоняется новому Богу! В Туренсворде есть часовня, чтобы она могла молиться, когда ей заблагорасудится, я приютил этого монаха, с которым она говорит чаще, чем со мной! Я строю в Паденброге кирху, чтобы он и его прихожане перестали ютиться по углам. В городе я за всё время своего правления приютил гораздо больше приверженцев Святой благодати, чем мой брат в своё время вырезал, завоевывая новые земли! Да, мне не нравится, что новая вера год от года подрывает устои моей родной веры, но пусть уж люди верят во что хотят, чем я собственноручно вобью очередной гвоздь в крышку своего же гроба, если допущу религиозную войну по всему Ангенору! Я не мой отец! Зачем мне сжигать монастырь? Чушь!

– Боюсь, что религия здесь только повод, – аккуратно возразил Влахос. – Негерд стоял на границе Ангенора и земель

человека, который вас предал. В глазах людей вы отомстили ему. То, что Теабран исповедует Святую благодать, лишь усугубляет ваше положение. Он поступил так, что теперь весь север только и говорит, что о той резне. Вы же помните те случаи в прошлом году? Чудом удалось избежать религиозной войны, но она слишком выгодна, чтобы совсем отказаться от этой идеи.

– Думаешь, Теабран на это и рассчитывает?

– Теабран, возможно, нет, но по слухам, за его спиной стоит человек, который в этом заинтересован. Сами подумайте, вы придерживаетесь старой веры, Теабран, как многие в Ангеноре, придерживается новой, и в глазах людей вы вероломно напали на незащищенных людей, что жили на спорной территории. Боюсь, что теперь для всех наступят тёмные времена.

– Но где им удалось достать доспехи как у твоих людей?

– Я не знаю, – покачал головой мужчина. – Но смею предположить – уничтожив всё живое в долине Гирифор, Ложный король оставил лишь полезных ему людей, в том числе и кузнецов из Утёса королевы. А в шахтах у побережных гор полно железной руды – отсюда и доспехи.

– Всё очень плохо, – тяжело выдохнул Осе и, поддавшись не свойственному ему импульсу, скинул со столика кипу бумаг. Неожиданный и непривычный для тихого Осе жест заставил Влахоса отступить на шаг.

– Вы могли бы наладить отношения с касарийским са-

мратом, – предложил Ловчий. – Его территории примыкают к землям графа Корбела с севера, как раз близ той местности, где, по слухам, скрывается Теабран. Частокол примыкает к лесу Эя – в случае отступления Теабран не сможет пересечь эти горы, чтобы вернуться на Холодные острова, и ему придётся двинуться в Пустодол, а там голая земля да редкий лес, ни одного замка вокруг, только руины у самого берега. Нет плодородных полей, чтобы выращивать хлеб, нет городов, чтобы грабить. Он не сможет долго жить там без запасов и возможности отплыть куда-либо. Он будет вынужден сдаться. Поговорите с самратом – его люди вполне могли бы обеспечить нужную защиту с севера.

– Этот берложник? Для Тонгейра я последний человек, которому бы он захотел помогать. Ты же знаешь почему?

– Я слышал эту историю, – подтвердил Влахос. – Но его племянник жив-здоров и растит детей, поэтому я думаю, что вы вполне можете наладить с ним отношения.

– Если бы всё было так же просто, как ты говоришь...

– Верните Согейра, поговорите. Думаю, вы сможете прийти к решению, как склонить на вашу сторону его дядю.

Интуитивно король чувствовал, что Ловчий прав, но что он мог сделать? Из-за необдуманной выходки матери Согейра Идалиры отношения с Касарией были окончательно испорчены много лет назад, и только чудо могло возродить их вновь.

Влахос не дал королю забыться в скорбных мыслях.

– Если позволите, – осторожно произнёс он, – я бы хотел высказать своё мнение по этому поводу.

– Говори, – разрешил король.

– У Согейра есть взрослый сын, верно?

– Да. Его Альвгред. Он служит вместе с отцом и его отрядом в крепости Вильхейм.

– И это прекрасно. Касарийский самрат ничем не отличается от большинства правителей – ему нужны деньги и власть, а когда они у него есть, он хочет больше. Так дайте их ему.

Глаза короля сощурились, но он ещё не догадывался, к чему тот клонит. Влахос продолжал:

– Я знаю, что этой зимой принцессе Вечере исполнилось восемнадцать, а это значит, что по законам Ангенора она уже имеет право выйти замуж. Выдайте её за касарийского наследника.

– И в этом твоё предложение? – Осе посмотрел на Ловчего так, будто ничего глупее в жизни не слышал. – Ты предлагаешь мне разворошить осиное гнездо.

– У самрата кроме Согейра в роду остались сплошь дочери, потому его и прозвали Безнаследным, а поскольку, к нашему великому сожалению, у вас нет сыновей, то свадьба Альвгреда, касарийского наследника по крови, и Вечеры, старшей из принцесс, – ваш единственный путь к решению обеих проблем. Как бы вы, мой король, ни относились к Вечере, она дочь покойного короля Эдгара, и с её помощью са-

мрат породниться с королём крупнейшего из существующих королевств, что гораздо лучше любых обещаний человека, чьи права на престол весьма спорны. Самрат упрям, но он не дурак и знает цену королевской крови. С его помощью вы укрепите свою позицию в самом тылу нашего врага.

– Если я выдам замуж Вечеру, то она станет кронпринцессой, а значит, корона станет наследоваться по её линии и перейдёт к моей родной дочери только в том случае, если Вечера не родит мальчика. Моя племянница не из тех, кто позволит лишиться себя власти, а я не хочу подвергать опасности и второго своего ребёнка – ты же знаешь, на какие вещи она способна? Я вручу корону убийце своего сына, и она избавится от любого, кто только посмеет её у неё забрать.

– Никто не говорил, что управление страной даётся легко, мой король. Каждый приносит на алтарь политики свои жертвы. Простите, если это грубо звучит, но этот брак на сегодняшний день – ваш единственный выход.

– Будь моя воля, я бы казнил Вечеру ещё год назад, но Суаве меня остановила. Мой изъян в том, что я слишком часто её слушаю.

– В нашем случае это достоинство, мой король. Казни вы принцессу, сейчас Ангенор бы действительно оказался в безвыходном положении. Помолвка, как в случае принцессы Ясны и наследника Алого утёса, – хороший способ наладить политические связи, но это ещё не гарантия победы в войне. Мы оба с вами знаем, что армия Алого утёса велика и сильна,

но армия Касарии – миллионное полчище обученных убивать головорезов, и лучше, чтобы они были на нашей стороне. Я бы мог посоветовать вам выдать Ясну за наследника самратов, но ей всего шестнадцать. А поженив Альвгрета и Вечеру, мы не нарушим ни один закон Ангенора или Касарии и не оскорбим Тонгейра. Это будет королевский брак, а это вещь более весомая, чем брак с пусть и влиятельным, но графским сыном.

– Жаль, что Ясне всего шестнадцать, – тяжело вздохнул король. – Лучше бы я выдал её за Альвгрета, чем за Роланда. Но я обещал его отцу, что наши семьи породнятся. Король не может нарушать данное обещание.

– Многим бы хотелось, чтобы всё сложилось немного иначе, мой король, но мы вынуждены использовать в этой войне то, что у нас есть.

– Знаю, – подтвердил Осе с тяжёлым сердцем, – знаю.

– К тому же, – Влахос решил выложить перед королем припасённый козырь, – чтобы мои слова относительно Тонгейра не казались голословными... Это мы нашли у одного из сожжённых домов в Негерде. Взгляните.

Он вынул из-за пояса небольшой свёрток и развернул его. В ткань оказался завернут тонкий изогнутый нож с золотым, будто внутри него было заточено солнце, лезвием. В мире существовало только одно место, где изготавливались подобные клинки. Лицо короля вытянулось от изумления.

– Когда-то самраты дали клятву нейтралитета по отноше-

нию к правителям соседних королевств, — решительно произнёс Влахос, — но, по всей видимости, из-за давней обиды Тонгейр поступился собственными принципами. Пора предложить ему более выгодную альтернативу, пока всё не обернулось катастрофой.

Своему решению Осе был не рад. Касария, княжество, находившееся севернее земель Адариха Корбела и раскинутое от горной гряды Частокол до пустынных берегов у Кривого рога, было небольшим и не самым богатым, но оно обладало одним неоспоримым преимуществом — железными шахтами, где добывали много руды, а потому Касария по праву считалась территорией оружейного дела. Небогатый, но злой и вооружённый до зубов сосед — так говаривали о княжестве в народе. Именно там изготавливались знаменитые клинки из железного колчедана, камня, в котором, согласно легендам, Чарна когда-то заточила солнце.

Камень этот внешне был подобен металлу, который нарастал на горных породах наплывами и кубами, и был жёлтым, как золото. Он сам по себе отличался хрупкостью, поэтому оружие из него изготавливали только умелые мастера. Они осторожно откалывали куски колчедана и шлифовали их алмазными дисками, как драгоценные камни, придавая им форму клинков, а после всё оружие свозили в замок Кривой рог, что лепился к обрыву на самом северном мысе Касарии, где на верёвках по самую рукоять опускали клинки в жерло вулкана Киторес, в раскалённую лаву. Но ме-

чи и кинжалы не плавилась. Объятые огнём, они, как заговорённые от смерти самой Чарной, вбирали в себя жар пылающей лавы, начинали светиться подобно солнцу и становились горячими. И с того момента уже ничто не могло ни разбить, ни погнуть эти лезвия. Иногда, очень редко, что-то происходило не так, и клинки покрывались алыми прожилками, подобно венам и сосудам человеческого тела, а цена им становилась сродни горсти драгоценных камней. За всю историю Касарии таких клинков было только три: два были похоронены на дне Озера нетающего льда. Третий находился в ножнах Тонгейра.

Несмотря на редкое по качеству и свойствам оружие, Касария не торопилась торговать им с соседними королевствами, предпочитая снабжать клинками только свою армию, а потому касарийские торговцы свозили на рынки только изделия из серебра и мрамор, которым княжество также было богато. И вот теперь оружие самратов обнаружилось у воинов Теабрана.

До поры до времени, несмотря на единичные стычки за право обладания шахтами близ Частокола, между Ангенором и Касарией складывались отношения, если не мирные, то стабильной готовности ответить ударом на удар. Это длилось до тех пор, пока однажды дочь ныне покойного самрата Ютгейра, Идалира, втайне от отца и младшего брата не сбежала с придворным скульптором короля Эссегрида Роксбурга, который приехал купить несколько плит чёрного мрамора.

ра для карты королевства на стене за тронном. Конечно, король вернул беглянку домой в тот же день, как узнал о тайном браке, потому что ему, как любому здравомыслящему правителю, не нужна была полномасштабная война с соседом из-за спесивой девицы, но через восемь месяцев к Воротам Мира подъехала телега в сопровождении двух всадников из самратского кадерхана. В ней, завёрнутое в старые платки, лежало тело Идалиры, на её груди спал полуживой новорождённый мальчик, а в её руке лежала записка, которая гласила, что женщина умерла при родах и что ни она, ни её недоношенный бастард, который тоже скоро умрёт, никому не нужны. Касарийку тихо похоронили в саду у Моста Дождей возле Сумеречных Ворот под холмом, покрытым синим мхом, а мальчика отдали на воспитание отцу и нянькам.

Время шло, туча нависла над границей между Касарией и Ангенором, гремело эхо будущей войны. Эссегрид не знал, что ему делать с ребёнком. Мальчик был наследником касарийского трона, пусть и рождённым в браке, который отвергли по обе стороны Частокола, но и отправить его в Таш-Харан он боялся – у короля не было уверенности, что через неделю к воротам его замка не прибудет телега с мёртвым ребёнком. Он начал вести переписку с Ютгейром о возможности вернуть ему внука, но получил однозначный отказ. Единственный выход из сложившейся ситуации Эссегрид видел в выкупе за ребёнка, в качестве извинения за попорченную честь и жизнь Идалиры. И едва король принял ре-

шение, двадцать навьюченных золотом ангенорских быков потянулись к северной границе сквозь долину озёр Рассыпанные Бусы и владения графа Корбела, приведя дело к шаткому, но миру с самратом.

С тех пор много воды утекло, мальчик, названный Согейром в честь своего прапрадеда, вырос, возмужал, стал легатом и обзавёлся семьей, но ни разу за всю жизнь не видел никого из своей касарийской родни.

Осе не был уверен, что брак Вечеры и Альвгреда чем-то поможет, но в словах Влахоса он увидел здравый смысл. Кровное родство никто не упразднял, в Альвгреде текла кровь касарийских самратов, и будет течь в их с Вечерой общих детях, что могло сыграть свою роль в отношении Касарии к Ангенору. Оставалось уповать лишь на волю богов и на здравый ум Тонгейра. И если в волю и благосклонность богов король верил как в прописную истину, то в благоразумии правителя Касарии он сомневался.

Конечно, Осе предпочёл бы подождать ещё пару лет до совершеннолетия Ясны, но этим временем он не располагал. Осе выбрал для дочери Роланда и не сомневался, что он будет сильным наследником, но будет ли он хорошим мужем? Осе поклялся сделать всё, что в его силах, чтобы он им стал.

Однако сейчас, хотел этого король или нет, но дело оставалось за малым – смириться с усмешкой судьбы и сделать решительный шаг.

Надо быть предельно осторожным, когда имеешь дело

с Вечерой. Она не из тех, кто не знает, что делать с властью, а Касария отнюдь не безобидна. Действия Теабрана спровоцировали Осе на поступок, о котором он, возможно, будет жалеть до конца своих дней.

Уже вечером король отправил в Эквинский замок письмо с помилованием принцессы и приказом ей немедленно вернуться в Туренсворд.

Так тому и быть – через несколько недель Ангенор получит укреплённые границы на Севере, а Осе – щит и опору. Теперь только Согейр, касариец, легат Королевских кирасиров – вот кто был ему нужен.

А сейчас король до смерти хотел спать. Осе не нашёл в себе сил на новую встречу с Гезой, которая помогала ему справляться с неутихающей головной болью. Он грузно опустился на трон, снял корону и аккуратно положил её на столик, стянул кожаные перчатки и закрыл лицо холодными руками, чтобы на фоне пульсирующего сквозь темноту прикрытых век света увидеть деревянные домики в огне и тела убитых детей, плывущих по реке Руна.

Глава 5

Легат Королевских кирасиров

Когда почтовый сокол сбросил на голову Согейра письмо, легат перевязывал рану. Тройное лезвие Железной лапы оставило глубокий порез на его ноге – он с трудом остановил кровотечение, но кровь всё ещё проступала сквозь свежие повязки.

– Что за глупая птица?! – Он потряс головой и поднял свёрток. Глупая птица громко крикнула, села на груды сожжённого мусора у стены и начала чистить перья.

– Что это, отец? – спросил Альвгред, засовывая за пояс Железную лапу, которую он отобрал у баладжера и оставил себе как трофей.

– Сообщение от короля, – ответил Согейр, разворачивая свёрток.

– И что же хочет наш Тумтабард?

– Я просил тебя не называть его так. – Легат грозно посмотрел на сына.

– Но он же Тумтабард, Пустой Камзол. Он единственный

из династии Роксбургов, кто не участвовал в тавромахии, и... Хорошо, не буду.

– Услышу снова, что ты зовёшь короля Тумтабардом, привяжу тебя к столбу без штанов и отстегаю перед всеми солдатами.

Молодой человек пристыженно потупил взгляд.

– Так чего он хочет?

– Вызывает нас в Паденброг.

– То есть тебя и меня? Правда?

– Сам почитай. – Согейр протянул сыну письмо.

– Ох! Король зовёт нас на частную аудиенцию!

– Надеюсь, тебе стыдно.

Альвгред прикусил губу.

– Но Вильхейм? Нам же нужно ещё сжечь тела, очистить сажу, унести раненых...

– Боюсь, что остальным придётся справляться без нас. Готовься.

– Но твоя рана...

– Не страшно.

– Но она ещё кровоточит.

– Железная лапа ранила меня не в первый раз. Я потерплю.

Альвгред помог отцу встать.

– Что же, мы отбили очередную атаку, – тихо произнёс Согейр, оборачиваясь на кирасиров, которые переносили тела Волков ночей в кучу у стены.

– Теперь Соляная башня может быть спокойна до следующего полнолуния.

В народе замок Вильхейм часто называли Соляной башней, потому что стоял он в «кармане» между холмами и служил охраной шахт, где рабочие добывали глыбы соли, очищали их и отправляли в помол перед тем, как развезти по рынкам Ангенора.

Разбойничьи налёты бывали в Вильхейме не редкостью, а потому крепость охранял целый взвод вооружённых кирасиров. И если военным отрядам уже было не привыкать ловить близ башни мелкие шайки местных разбойников или воришек из ближайших деревень, то настоящей проблемой были баладжеры, «племя грязной крови».

Когда-то эти люди жили в Ангеноре повсюду: цыгане, бродяги, воры, нищие – как крысы, они плодились в самых тёмных закоулках. Кормились они, как говорится, с острия ножа, пока король Эссегрид не приказал переловить их и выгнать из городов. Объединившись в огромную толпу, они покинули Ангенор и отправились в глубину Диких гор, где продолжали грабежи и убийства. Кирасиры называли их – Волки ночей. Накануне каждого полнолуния они нападали на Вильхейм огромной разнузданной толпой, неся с собой пламя и смерть. Грязная кожа, дикие глаза, сверкающие в ночи, волосы, измазанные глиной, волчья шкура вместо кирасы, браслеты из костей и зубов... душа даже самых смелых кирасиров уходила в пятки при виде этого племени диких

головорезов.

Страшные, странные люди. Они всегда атаковали толпой и оставляли после себя огонь и изуродованные Железными лапами трупы. Было несложно догадаться, зачем Б'аджу, королю баладжеров, понадобилось совершать набеги – соль была дорогой, дорогой настолько, что иногда заменяла деньги, и неважно, что Б'адж был дикарём – он прекрасно знал, что такое торговля и золото.

И в этот раз Волки ночей, отродье Чарны, появились ровно в полночь с горящими факелами и, громко вопя нечеловеческими голосами, подожгли одну из вышек, с помощью которых рабочим под землю доставляли воду и еду. Как и много раз до этого, ни одного дикаря поймать не удалось, да и получись это у кирасиров – эти нелюди предпочтут разодрать Лапой вены себе на шее и истечь кровью, чем гнить в клетке у врага.

Только одно не мог уяснить легат – куда баладжеры свозили награбленное? Ни одного всадника на волке никогда не видели в Мраморной долине, как не видели их и на рынках у Алого утёса или в Кантамбрии. Но где-то же они должны были сбывать награбленное? Не свозили же они всё в горы, в свою Псарню, чтобы просто сидеть на тюках с солью? Или они увозили всё за пределы Диких гор? Но куда? Там же только голая холодная пустыня, по которой ледяной ветер гоняет чёрные пески. «Проклятые дикари, – вздыхал Согейр. – Волчье отродье».

Очередное нападение было отбито, очередная битва выиграна, но сколько их ещё предстояло? А в том, что они будут, легат не сомневался. И что пугало Согейра больше всего — он был уверен, что рано или поздно его кирасиры добровольно сложат оружие и откажутся защищать собственность короля.

«Тумтабард» — сын легата был далеко не единственным, кто называл Осе этим оскорбительным словом в противовес значению его имени «великий воин». В отряде Согейра среди всадников всё чаще слышались нелицеприятные высказывания в адрес короны, которые, сродни призывам к измене, резали легату ухо. Согейр всеми силами давил крамолу в зачатке, но яд недовольства, однажды проникший в умы воинов, распространялся среди остальных, как зараза, а казнь повстанцев всё только усугубила.

Так, легат пехоты лучников Гаал был вынужден провести обряд децимации, когда один из его людей проговорился в таверне о подготовке бунта против короны. Он разделил своих лучников на группы по десять человек и в каждой группе провёл жеребьёвку, когда каждый из них вытаскивал разноцветные камни из мешочка. Те, кому достался чёрный агат, были казнены оставшимися девятью солдатами. И вот теперь желание свергнуть короля отравляло умы людей в отряде Согейра, и он очень боялся, что когда-нибудь ему придётся совершить децимацию самому.

Легат не был слепым и видел, что Осе слаб и единствен-

ное, на что он способен, – выслать на поле боя отряд воинов, которых никогда бы не повёл сам. Но, в отличие от многих, Согейр видел и другую его сторону. Эдгар Роксбург был воюющим королём, Осе же был королём мира, который оказался в условиях войны. Согейр знал обоих достаточно долго, чтобы перестать судить о них по публичным выходам и поступкам. Осе всегда жил в тени Эдгара и не собирался занимать престол. Однажды Согейр спросил его, почему он не хочет изучать карты, как брат, учиться биться на мечах, сидеть в седле, предпочитая вместо этого читать книги по астрономии и стихи? А Осе ответил:

– Я короне не нужен. У неё есть Эдгар.

И до некоторых пор это была единственная правда, в которую верил Согейр, пока ему не открылась настоящая причина, по которой Осе не стремился занять трон, но легат хранил её в тайне, даже когда ему от всей души хотелось защитить короля от словесных атак кирасиров.

На склоне у берега Руны Альвгред устроил с отцом гонку – кто быстрее доскачет до излучины – и молодость победила, пребывая в твёрдой уверенности, что опыт никогда не знал такой уловки, как поддавки.

Бык Согейра, дымчатая, покрытая шрамами туша которого переливалась на солнце чёрным серебром, лишь снисходительно помотал головой на приказ своего погонщика не гнать в полную силу. Его звали Ревущий, потому что его голос мог перебить собой звук нескольких горниз. Он был

одним из самых старых боевых быков. В мирное время эти могучие звери доживали до семидесяти-восемидесяти лет, возраст же Ревущего составлял около тридцати с половиной, и по меркам боевых быков это был почтенный возраст. Ревущий был одним из лучших быков: бесстрашным и преданным своему хозяину, много раз спасавшим ему жизнь на поле брани. Они были как одно целое, как когда-то король Эдгар с его Сумраком.

Альвгред гордился тем, что король попросил его вместе с отцом прибыть в замок, потому как Осе редко обращался к кому-то кроме предводителей отрядов, и всё время спрашивал отца, что же королю понадобилось от него.

Парню шёл девятнадцатый год, и он уже три года гордо носил звание Королевского кирасира. Пылкий и смелый юноша, он с детства не давал покоя родителям. Энергия была в нём ключом, а желание быть похожим на отца порой заслоняло собой здравый смысл, потому Согейр не удивился заявлению сына, что в шестнадцать лет он выйдет на арену Туренсворда. Его бык был рыжим и хитрым. На арене он постоянно пытался обмануть мальчишку и зацепить его рогами за спину – Альвгред сразу понял, что не ошибся, выбрав себе именно этого зверя. Его хитрость распаляла азарт юноши, а сила – желание победить. Тогда, на тавромахии, бык лишил Альвгрета мизинца на правой ноге, и тот сразу вернул долг порванным бычьим ухом.

Глядя на сына, Согейр во всех его жестах узнавал себя.

И пусть Альвгред унаследовал черты лица от матери, легат был этому только рад. Его жена, Ниливия, леди Ревущего холма, иногда шутила, что отец Согейра вытесал из гранита и лицо сына, да отшлифовать поленился. Согейру не нравилась своя внешность, хотя к сорока годам он начал относиться к ней намного спокойнее. Влахос не отставал от Нилы и также шутил, что Согейр больше похож на дикую кошку, чем на человека, и всё время предлагал ему надеть свою змеиную маску, чтобы не распугивать народ. Согейра действительно выделяли из толпы непривычные для Ангено-ра черты лица, которые достались ему от матери-касарийки. Немного удлинённое лицо, рысьи глаза, высокие скулы и резко очерченный рот одновременно соединялись как в довольно непривлекательное, так и в удивительно любопытное лицо. Нила часто говорила, что влюбилась в Согейра, увидев его верхом на быке, когда солнце уже клонилось к закату и на грубом лице воина вырисовывались красивые тени. А вот его младшая дочка Имадея, Има, его любимая стрелкозка, унаследовала отцовские глаза.

В паре лиг от Паденброга они остановились на небольшой привал, чтобы набрать воды из реки и умыться.

Согейр устал и очень хотел пить, а ещё – смыть с себя пыль, пот и остатки запёкшейся крови. Но ещё больше он хотел спать, и если не проспять у себя дома беспробудно до самого вечера под бочком у Нилы, то, по крайней мере, завалиться куда-нибудь на траву и просто побыть в тишине.

– Ты видел этого младшего Элбота? Этого жениха Ясны? Ты его знаешь? – спросил Альвгред, окуная в прозрачную воду прибитый дорожной пылью щит с зарубками по ободку. Их на его щите было всего девять, за каждое отражённое нападение дикарей на Соляную башню, но Альвгред надеялся, что когда-нибудь их будет тридцать две, как у Марция, или того больше – около сорока, как у отца.

– Роланда? Да, я его видел, – ответил Согейр, садясь на траву и давая ветру высушить мокрое лицо. – Год назад, ещё до смерти наследника, он вместе с графом и графиней Алого утёса гостил в Туренсворде. Хороший парень. Немного крупноват для своего возраста, но мне он понравился. В нём есть сила, которая нужна королям. Помню, с Вечерой они не ладили. – Согейр усмехнулся. – Кстати, он будет участвовать в тавромахии в этом году.

– Значит, он, по крайней мере, смелый, если не побоялся поссориться с принцессой. Воздадим хвалу Хакону, он и против быка выстоит.

Его взъерошенные угольно-чёрные, как у матери, волосы трепал ветер, а тёмно-миндальные щёки пылали от жары. Резко очерченные касарийские губы пересекал шрам, который ему достался во время тавромахии и которым парень гордился не меньше, чем другие гордились личной похвалой короля. Тёмно-серые, скорее, даже чёрные, как у матери, глаза сверкали из-под густых красивых бровей.

– Как знать? – Согейр пожал плечами и с серьёзным ви-

дом посмотрел на сына. – Возможно, если судьба не будет благосклонна к тому, кто носит на гербе голову вепря, королю придётся искать юному графу замену. Например, кого-то из военной семьи, возможно, уже прошедшего обряд. Сына того, кому король доверяет.

Альвгред оторвался от протирания своего щита с выгравированным изображением шестирогой бычьей головы и уставился на отца.

– Что?

– Ты меня понял.

Между отцом и сыном повисло неловкое молчание.

– Ты думаешь, что в этом случае король женит на Ясне меня?! – В голосе юноши послышался какой-то ребячий испуг.

– Это возможно, – Согейр продолжал говорить спокойным тоном и отгонять травинкой пчелу. – Ты сын военного, прошёл обряд, и у тебя нет невесты. Я не удивлюсь, если Осе вызвал нас ради этого договора.

– Но король не может так поступить! – возмутился Альвгред, всем своим видом давая понять, что в корне не согласен с таким положением дел.

– Король может всё, – категорично ответил Согейр.

– Он найдёт ей другого графа.

– Ты по крови своей бабушки родня касарийскому самрату, – заметил легат. – А это лучше, чем сын любого графа. Даже не стань ты кирасиром, придворные бы так же кланялись тебе, как сейчас. Не вижу ни одной причины, по кото-

рой на руке принцессы Ясны не может оказаться твой венчальный браслет.

– Но я не хочу, – не унимался Альвгред. – Я её даже не люблю!

– Когда я женился на твоей матери, я тоже её не любил. Но нас сосватал король, и я женился.

– Но я её совсем не люблю!

– Уж конечно, она же не Вечера.

Альвгред чуть сквозь землю не провалился из-за этого замечания.

Происхождение Согейра и его близость к венценосной семье позволило Альвгреду и королевским детям вырасти вместе. Они часто играли на заднем дворе за Ласской башней, когда принц и принцессы не учились выездке, а Альвгред не изучал премудрости ближнего боя. Часто с подачи Кирана они кидались сливами в сад или сидели на крыше конюшни, поедая вишни, пока стражники не сгоняли их оттуда. Когда дети подросли, почти ничего не изменилось, разве что юноша начал замечать красоту королевских дочерей. И если при виде Вечеры сердце юного воина начинало стучать чуть быстрее, то Ясна никогда не вызывала в нём похожие чувства. Он никогда не видел в этой девушке женщину, с которой у него когда-нибудь могли бы родиться дети.

– Она мне как сестра, – настойчиво заявил он.

– Ясна тебе не сестра, а дочь твоего короля. Сыновья многих графов бились за её руку.

– Я не бился. Я на ней не женюсь, – настаивал юноша.

Согейра позабавило смятение храброго в бою, но вмиг растерявшего всю свою молодецкую удаль сына, и он решил прекратить его страдания. Когда на его грубом лице появилась улыбка, Альвгред всё понял и брызнул в отца горстью воды, и они засмеялись вместе.

– На самом деле я не думаю, что тебе грозит этот брак, – признался Согейр.

– Тогда зачем король меня зовёт?

– Я не знаю.

И они продолжили путь.

Подходя к тронному залу, кирасиры встретили Влахоса.

– О, мои друзья, – поприветствовал он воинов. – Я думал, вы придёте не ранее, чем завтра.

– Ты всё ещё недооцениваешь ангенорских быков. – Согейр ответил на дружеское рукопожатие. – Они гораздо быстрее скакунов Ровенны.

– Но также менее изящны и более прожорливы.

Согейр усмехнулся.

– Как вы? – спросил Влахос. – Слышал, на вас снова напали Волки ночей.

– Да, – ответил легат. – Но мы были готовы. Баладжеры убили пятерых, ещё двоих загрызли волки.

– Дикари удивительно постоянны.

– Мы вернём им долг в следующее полнолуние.

– Не сомневаюсь.

– Ты знаешь, зачем мы понадобились королю? – поинтересовался Альвгред, памятуя о том, что редкая новость не долетает до уха Влахоса первой.

– Если вы оба здесь, то, скорее всего, знаю. – Хитрая ухмылка скользнула по тонким губам.

– Наверное, что-то важное, иначе король дождался бы смены караула.

– О, ты даже не представляешь насколько, мой юный друг. И тебя, между прочим, это касается в первую очередь.

– Может быть, он хочет назначить меня легатом? – Славное лицо Альвгрета озарила догадка. – Я же прав? – Его чёрные глаза засветились честолюбивой надеждой. – В отряде, который мы сменили в Вильхейме, в прошлом месяце потеряли командира. Может быть, король хочет назначить вместо него меня?

– Это вполне возможно, – согласился Согейр. – В твоём возрасте меня назначили легатом. Я бы не удивился решению Осе показать тебе, каково это – быть военачальником.

– И будем мы самым старшим и младшим легатами во всём Ангеноре, – засмеялся юноша.

– Ты что же, считаешь меня старым? – в шутку нахмурился Согейр.

– Да, о, согбенный старик, – ответил сын, почтительно поклонившись отцу.

– И почему я в детстве тебя не порол?

– Боюсь, что с назначением придётся повременить, Альв-

гред, – прервал их разговор низкий голос командира Ловчих. – Дело немного в другом.

– Нет? – заметно сник молодой воин – ему так хотелось поскорее встать на одну ступень вместе с отцом. – Тогда в чём же?

– Какой бы ни была причина, обиженным ты не останешься, – заверил его Влахос. – Если хочешь, могу поделиться частью новости.

– Хочу, – ответил сгоравший от любопытства Альвгред.

Влахос осмотрелся по сторонам – двое слуг у дверей тронного зала поняли его приказ без слов и быстро исчезли за поворотом, но он всё равно заговорил тише.

– Эти несколько дней мы часто общались с королём, – сказал он тоном заговорщика. – Он возвращает принцессу.

– Как?! – в один голос воскликнули отец и сын. – Откуда ты знаешь?

– Птичка на хвосте принесла. Говорит, что видела принцессу в сопровождении нескольких слуг, движущуюся в сторону озера Веверн.

Согейр и Альвгред переглянулись.

– И этой птичке можно доверять?

– Её слова подтвердил король.

Для кирасиров эта новость прозвучала как гром среди ясного неба.

– Значит, это правда?! – воспрял духом Альвгред. – Тогда почему?.. Почему об этом никому не известно? Такая но-

вость не осталась бы незамеченной.

– Потому что эта новость пока только между нами. – Влахос сделал паузу. – Пока. Король приказал мне молчать. Надеюсь, вы меня не подведёте? Я решил, что вы должны знать. И только вы.

– Но как же королева? – не мог унять вспыхнувшее в груди волнение Согейр. – Она должна знать.

– Думаю, что король сам хочет ей сказать, всё-таки это их семейное дело. Вечеры не было при дворе целый год. Ещё пара часов ничего не решат.

Воины были вынуждены признать его правду.

Душу Согейра будто отпустила удушающая хватка данных королеве обещаний выпросить у Осе помилование для принцессы.

– Ты думаешь, король нас вызвал из-за этого? – поинтересовался Альвгред.

– Более чем. Вы оба имеете к этому возвращению самое прямое отношение.

– И что это значит? – не понимал юный воин.

– На моих устах – печать, мой юный друг, – не спешил раскрывать карты Влахос. – Должен же король сам донести до вас некоторые вести.

В тронном зале их уже ожидали.

За то время, что воины провели в крепости, здесь ничего не изменилось. Натёртая до блеска холодная белизна мрамора всё так же слепила глаза, сквозь огромные витражные

окна всё так же светило солнце и отбрасывало на пол разноцветные блики. С ажурного потолка свисали две кованые свечные люстры, которые зажигали только вечером. Справа, почти во всю длину стены, тянулся занавес из тяжёлого бордового бархата, за которым прятался балкон. Дальняя стена сразу за тронем была выложена мозаикой в виде карты Ангенора от пола до потолка, состоящей из самых разных пород драгоценных и полудрагоценных камней. Паденброг обозначала алмандиновая бычья голова, за которой рябили чёрно-белые агатовые полосы скалистой Долины королей. Долина Гирифор была выложена изумрудами и авантюринами, Касария сверкала алмазами и лунным камнем, Кантамбрия и Шеной отличались друг от друга только оттенком аметистов, а Мраморная долина пестрела тремя породами мрамора. Все реки были выложены сапфирами, а леса – дроблёным малахитом, крупные замки обозначались большими гранёными самородками, те, что поменьше, помечали небольшие кабошоны, руины – чёрный гагат. Моря и заливы, окружающие Ангенор со всех сторон, сияли нежным аквамаринным блеском. На создание этой карты у архитектора ушло пять лет, и масштаб проведённой работы поистине восхищал. Перед картой на трёхступенчатом постаменте на троне из обсидиана сидел король.

Худой от природы Осе носил уплотнённый бордовый камзол с золотыми застёжками и надевал высокие кожаные сапоги с лисьим мехом, чтобы визуально придать своей фигу-

ре внушительность. Он почти никогда не расставался с перчатками из выделанной лосиной кожи – ему всегда было холодно среди камня. В свои сорок шесть он выглядел моложе Согейра, с которым они были одногодками, и уже давно перестал держаться на троне так, будто занимал его не по праву. На голове короля сияла тяжёлая альмандиновая корона.

По легенде, богиня Беркана, желая сделать подарок своему мужу Хакону, нашла на дне озера Веверн целый кусок альмандина и попросила своего брата, бога-ремесленника Эгиля, изваять из него корону. Эгиль любил работать с камнем и с радостью принялся за дело. Он вложил в него всё своё мастерство и любовь к самоцветам, чтобы угодить богу войны. Ровно через семь дней кропотливого труда на вершине одной из Звонящих скал Хакону преподнесли драгоценный подарок, который засиял огненно-алыми переливами в лучах полуденного солнца.

– В этой короне кровь быка, бегущего в бой! – воскликнул Хакон, глядя на то, как струящийся сквозь призму алых граней свет создаёт ощущение бурлящей внутри короны крови. – У неё есть душа! Она жива!

Он носил её много веков, прежде чем настала эпоха ангенорских королей, когда богам пришлось время уйти в горы и оставить земли в руках достойного преемника. Таковым они посчитали Ардо Роксбурга, который доблестью и храбростью доказал, что сможет защитить свой народ, когда боги уйдут на покой.

– Эта корона – живое создание, она душа и сердце Ангено-
ра. Отныне она будет впору любому королю. И на чьей голо-
ве она ни окажется, она никогда не ранит того, кто её досто-
ин, – молвил Хакон и вручил корону воину. Ардо принял дар
и пообещал, что отныне альмандиновая корона не покинет
Ангенор никогда. С тех пор все Роксбурги носили её, бурля-
щую огнём бычьего сердца, как символ своей силы и отваги,
и будут носить до возвращения богов.

Тяжёлая корона давила на голову Осе, и ему не терпелось
поскорее её снять.

Кирасиры приблизились к нему на почтенное расстояние
и преклонили колено. Рана легата с новой силой заныла под
повязкой, но он не позволил боли завалить его на пол, как
тушу раненого животного.

– Мой король, – поприветствовал легат Осе. Альвгред
учтиво поклонился.

Осе кивнул.

– Подойдите.

Всадники повиновались.

– Оставим пустые разговоры, – начал король. – Полагаю,
вы в курсе того, что произошло в Приграничье?

– Мы слышали, – кивнул Согейр. – Воины графа Корбела
перешли всякие границы.

– В том и проблема, что это мы с вами знаем, кто за этим
стоит, но те двое, что выжили, опознали в нападавших Лов-
чих.

– Как? – воскликнул Согейр.

– Я был удивлён не меньше твоего, – скривил губы король. – Кто-то задался целью совершить провокацию, и это ему удалось. Сегодня утром я получил письма из Шеной и Эвдона. Графиня замка Виа де Монте и постул острова обвинили меня в низости и подлости, потому что я мщу Корбелу за его политические взгляды кровью невинных людей, а не действую с помощью дипломатии, к которой прибегал ранее.

– Теперь люди называют предательство политическими взглядами? – с горечью возмутился легат. – С тех пор, как вы заняли трон, ангенорцы не развязали ни одной войны. С чего бы нам сейчас начинать, это не приходило в их светлые головы?

Король нервно махнул рукой.

– Ты же знаешь, каковы наши отношения с обоими правителями. Стоит ли удивляться тому, что они не думают, а бросаются обвинениями, как комками грязи.

Согейр знал, а потому не был удивлён.

Эвдон и Шеной были камнем преткновения для последних королей. Шеной являлся западной частью Кантамбрии, богатой автономной частью Ангенора, которая после смерти главы семьи Монтонари и нескольких лет сомнительной политики его сына Эрнана потеряла былую политическую силу. Дело было в том, что эвдонские деньги текли в Кантамбрию через Шеной благодаря торговле, и она подверг-

лась опасности из-за того, что Эрнан Монтонари возобновил незаконную перевозку эвдонцев в трюмах своих торговых кораблей.

Этот акт потакания беженцам постул Эвдона, Пелегр Даимах, рассматривал как плевок в лицо своим законам, а Шеной, искренне считавший себя центром Кантамбрии, который, по какой-то исторической несправедливости, был вынужден кормить ленивую восточную провинцию, поспешил принять сторону торгового компаньона. Таким образом, данный конфликт послужил прекрасным поводом к объявлению о разделении Шеноя и Кантамбрии. Так на территории южных земель в одночасье всё полетело в тартарары, и в любой момент на смену дипломатическим переговорам могли прийти военные действия.

Сам граф Монтонари прекрасно знал, что аграрный Шеной едва ли пойдёт на него с мечами и пиками, потому что вся военная мощь, к его счастью, была сосредоточена на территории Альгарды, но король Ангенора не разделял его убеждения. Осе боялся войны, особенно войны на два фронта, и всеми силами пытался найти выход. Казалось бы, выход очевиден – нужно признать суверенитет Шеноя, лишить Монтонари титула и объявить кантамбрийцев воинами короля, но проблема заключалась в том, что даже лишившись власти на бумаге, Эрнан Монтонари своих людей королю не отдаст, а отнятые силой, его солдаты попросту сложат оружие.

«Монтонари выдрессировал своё войско как псов». И именно по этой причине своего правителя солдаты не бросят, просто потому что не бросят, какой бы занозой он ни был. Никто не выполняет приказы так, как кантамбрийцы. Осе в жизни не видел настолько дисциплинированного и преданного своему предводителю войска, и это обстоятельство являлось настоящей головной болью.

– Что мы должны сделать? – Согейр решительно выступил вперёд. Альвгред промолчал и предпочёл остаться позади отца.

– Судя, по всему, наши северные границы слишком слабо охраняются, они находятся от Паденброга чересчур далеко. Сегодня мне сообщили, что небольшое войско с алыми плащами, как у Ловчих, было замечено у северо-западной границы. Думаю, что после бойни в Негерде оно двинется на юго-восток и укроется в Эмронских холмах. Если сейчас мы соберём солдат и отправим навстречу, то сможем перехватить их на краю Приграничья.

Легат Королевских кирасиров подошёл к пёстрой карте ангенорского королевства. Эмронские холмы на северо-западе от Паденброга обозначались серым агатом, который огибал сапфировый приток Руны, Чистый ручей.

– В Приграничье подходящая местность для боя, – согласился Согейр, сверяя свои воспоминания с картой. – На холмы часто опускается туман. Если наши войска займут нужную позицию, – он указал рукой на небольшую часть пёстрой

яшмы близ серого агата, – если поможет погода, мы окажемся невидимыми для войска Теабрана и сможем напасть.

– Их нужно разбить, – сказал король. – И я был бы рад сказать, что пленные мне не нужны, но они могут обладать информацией. Как насчёт людей Илárха?

– Они покинули Вильхейм по вашему приказу ещё две недели назад и сейчас находятся в Ласской башне. Думаю, вы можете направить их на северо-запад.

– Тогда передай этому мятежнику мой приказ выдвигаться как можно быстрее.

– Слушаюсь, мой король, – кланяясь, ответил легат.

– Но эта дорога прилегает к землям у Столпов, – заметил Альвгред и подошёл к отцу. – Почему бы присягнувшим альмандиновой короне касарийцам самим не следить за своими землями?

– Дорога прилегает к Столпам, но не проходит через них, – исправил сына Согейр. – Они могли пройти южнее, к тому же, если они были одеты, как Ловчие, едва ли дозорным пришлось бы в голову поднимать тревогу.

– Согласен с твоим отцом, – кивнул король. – Плюс ко всему, то, что это не наши солдаты, выяснилось только после того, как Влахос принёс в Туренсворд доказательство – клинок из железного колчедана, который никак не мог оказаться в руках королевских солдат.

Король указал взглядом на резной столик в углу у занавеса, на котором лежал сверток с касарийским филигранным

клинком. Согейр взял его в руки и провёл пальцем по лезвию.

– Колчедан, без сомнений, – глухо сказал он и отложил оружие. – Так, значит, Тонгейр заключил союз с Теабраном? А как же нейтралитет, которого самрат обещал придерживаться?

– Между Касарией и Ангенором сложились сложные отношения, легат, – ответил Осе. – Но пока не доказана личная причастность Тонгейра к торговле оружием между Касарией и самозванцем, я не могу выдвигать какие-то обвинения лично против него. Отчасти именно поэтому я и велел вам обоим прибыть в замок: нам нужно мириться с вашей роднёй.

– Едва ли Тонгейр считает нас родственниками, – усомнился Согейр. – Вам же рассказывали, как Ютгейр обошёлся с моей матерью?

– Рассказывали. И тем не менее твой дед принял золотой дар моего отца. А это говорит о том, что никому из людей не чужда алчность. Будь самрат так горд, как о нём говорят, он бы не принял это золото, а значит, и к нему можно найти свой подход. Пришло время нам с Касарией стать друзьями, и мы это сделаем.

– У Касарии нет друзей, кроме самой Касарии, – ответил Согейр так, будто сам наполовину касарийцем не был. – Ни один человек из моего рода, из Таш-Харана или Кривого рога, даже не ответил на приглашение на мою свадьбу,

а я потомок этих людей. Что же говорить, если дело касается всего Ангенора?

Король поджал губы.

– Ты женился на знатной даме, Согейр, но совсем другое дело – королевская свадьба.

– Прошу прощения?

– Я вижу только один способ наладить наши отношения с Касарией – породнить два наших рода.

Мужчины перевели взгляд на Альвгрета, который от неожиданности выпрямился как струнка.

– Боюсь, что касарийской крови в Альвгреде течёт ещё меньше, чем во мне, – сказал Согейр. – К тому же брак его матери и отца был признан недействительным.

– Потому что в тот момент это было правильным решением. Но брак твоих родителей пусть и тайно, но был совершён по законам Ангенора, совершён архонтом, а значит, он полностью законен. Пусть твой сын подойдёт, – произнёс король.

Альвгред выступил вперёд. Осе встал с трона и подошёл к юноше.

– Да, я помню, как ты прошёл обряд. – Он положил ладонь на плечо юноши. – Ты выбрал себе того рыжего быка. Как его звали?

– Лис, – ответил Альвгред, как ему показалось, спокойно, но от острого слуха Согейра не ускользнуло волнение в голосе сына.

- Необычное имя для быка.
- Он умный и хитрый. У него лисья душа.
- Сколько тебе лет?
- Девятнадцать, мой король.
- У тебя есть невеста?

Согейр молча стоял в стороне и наблюдал за вспотевшим лицом сына.

- Нет, мой король.

Осе одобрительно кивнул.

- Тогда ею станет моя племянница Вечера.

Альвгреду впервые довелось испытать достаточно большой спектр противоречивых эмоций, от ужаса до облегчения, за несколько секунд.

- Что-что? – Его лицо вытянулось от удивления.

– Этой зимой Вечере исполнилось восемнадцать, – стараясь казаться невозмутимым, продолжил король. – По законам Ангенора она может выйти замуж, что в нашем положении оказалось очень удачным стечением обстоятельств. И я решил, что её избранником станешь ты. Ты молод, храбр, свободен, и в тебе течёт кровь сыновей трона Касарии. Ты согласен?

Альвгред молча смотрел на короля.

– Что же ты молчишь? Или венчальный браслет напугал тебя больше, чем кровожадные Волки ночей?

– Мой король, – выступил перед сыном Согейр, – не будет ли эта свадьба значить, что Вечера и Альвгред станут первы-

ми в очереди на престол?

– Временно, – ответил Осе и вернулся на трон. – Моя племянница и твой сын будут носить титулы кронпринца и кронпринцессы до того момента, как принцесса Ясна выйдет замуж за Роланда. Тогда эти титулы перейдут к ним как к прямым наследникам ныне здравствующего короля.

– А сын? Он лишится этого титула.

– Никогда не подозревал тебя в честолюбии, Согейр.

– Я не честолюбив, мой король, – возразил легат, – чего нельзя сказать о моём дяде. Вы знаете, почему на гербе Касарии изображён медведь? Этот зверь не знает пощады, как и Тонгейр. И вы хотите раздражить его короной и отнять её у него?

– А на гербе Ангенора изображен шестирогий бык, – резко ответил король. – А этот зверь не племенная корова, а умный и жестокий противник. Взамен титула кронпринца Альвгред получит титул Протектора наследников трона, как Эрнан Монтонари, – третий по значимости титул Ангенора после короля и наследника. Я всё предусмотрел. Многие графы убили бы за возможность примерить на себя этот титул, как тебе известно.

Осе назидательно изогнул бровь, намекая на неуместность сомнений в предложенном титуле.

– Я очень надеюсь, что Тонгейр разделяет вашу уверенность.

– Ты не доверяешь решению короля?

– Я опасюсь за сына. Тонгейра в кадерхане не зря кличут Свирепым.

– А ещё его кличут Безнаследным. Кто займёт трон Касарии после него? Его жена? Эта забитая калека Меганира? Или его полоумные дочери? Тонгейр не дурак, и я больше чем уверен, что он следит за каждым шагом Альвгрета. Он его кровь. – Король перевёл дыхание и продолжил. – У нас были шпионы на севере, но теперь нас всюду окружает предательство и обман. Нам нужны наши люди в северных землях и нужны вооружённые до зубов и заинтересованные в службе только нам, иначе Теабран будет и дальше совершать свои подлые маневры у меня под носом, а мы ничего не сможем сделать, просто потому что будем разбираться с южанами. Я каждый день молю богов, чтобы у Виттории-Лары хватило благоразумия и она не решила в один прекрасный день отделить Шеной от Кантамбрии силой. Тогда Монтонари будут вынуждены кинуть все свои войска к Расколу, и что останется нам? Кирасиры, орудия, кучка эвдонцев да горстка лучников! Ангенор богатое королевство, но воевать на двух фронтах даже мы не можем себе позволить. От Тонгейра зависит судьба Ангенора, и если так, то Альвгред будет кронпринцем! Кто знает, может быть, эта война и продлится всего два года? В любом случае моя племянница уже на пути в Паденброг и будет здесь со дня на день. Свадьба состоится в следующем месяце. Готовьтесь!

Обладай Согейр хотя бы толикой тщеславия, он был бы

счастлив ухватиться за предоставленную возможность породниться с королевской семьей, но он слишком хорошо знал изнанку предлагаемых благ. Другой бы на его месте обрадовался, что его сын станет наследником, но Согейр со свойственной ему осмотрительностью услышал, что его сын станет мишенью Теабрана, а возможно, ещё и Тонгейра, когда тот узнает, что задумал король.

Возможно, война с Теабраном и продлится всего пару лет, но всё это время его сын будет самозванцу как кость в горле. И беда легата заключалась в том, что на это предложение ни он, ни Альвгред не могли ответить отказом.

– Мы с радостью принимаем предложение, мой король, – ответил Согейр.

– Да, мой король, – подтвердил Альвгред, и они оба склонили головы перед Осе.

– Я рад это слышать. Теперь я бы хотел ненадолго остаться с твоим сыном наедине. Нам нужно обсудить некоторые вопросы относительно Вечеры и свадьбы.

Когда Согейр уже подходил к выходу, Осе его окликнул.

– Я попрошу тебя об одном одолжении – Расскажи королеве о принятом решении.

Согейр пообещал исполнить просьбу и вышел.

Глава 6

Королева-невеста, королева-вдова

Окрылённый новой возможностью её увидеть и угнетённый судьбой, уготованной сыну, Согейр решительно шагнул по длинным многолюдным коридорам Туренсворда по направлению к покоям королевы Суаве. В последний раз они виделись несколько месяцев назад, но её прощальный взгляд из окна, которым она проводила удаляющихся Королевских кирасиров, он никогда не забывал и вспоминал всякий раз, когда ему удавалось остаться в живых после очередной битвы с баладжерами. Он любил свою законную жену Нилу и относился к ней с уважением, но эта женщина занимала в сердце легата особое место, а Нила всегда догадывалась, что делит сердце мужа с кем-то ещё, но кем была её соперница, она не хотела знать.

Слуга сообщил о визите легата, и королева разрешила ему войти.

Суаве в свои сорок лет в глазах Согейра была всё так же красива, как и тогда, когда он впервые увидел её семнадца-

тилетней наречённой невестой Эдгара, которую король привёз из Мраморной долины погостить у него год до её совершеннолетия. Тогда эта девушка – миниатюрная, со светлыми, отливающими лёгкой рыжиной волосами, амазонитовыми глазами и тонкой костью – создавала впечатление чего-то хрупкого, до чего было страшно неаккуратно дотронуться. Она сидела в карете, украшенной перламутром и жемчугом, между отцом и матерью, и готовилась быть отданной королю на берегу озера Траунмер, что служило границей между Мраморной долиной и Ангенором.

Юная Суаве и её старшая сестра Юрире выросли с внушённым им чувством постоянного ожидания того дня, когда весьма практичные и не склонные к лишним сантиментам родители продадут их чужакам, чтобы положить личное счастье обеих дочерей на алтарь семейного престижа. Оллан и Ванора Ферро сами когда-то женились на деньгах друг друга и потому не видели в этом ничего предосудительного. Супруги Ферро были богаты, и богаты настолько, что даже их имена на территории Мраморной долины являлись олицетворением богатства и успеха, чему также в своё время немало поспособствовало их дальнейшее родство с династией Роксбургов. Всё, к чему прикасались их холёные, напудренные эвдонскими белилами руки, мгновенно начинало отливать золотом и звенеть, как монеты в шёлковом кошельке, и потому, когда старшей дочери, Юрире, исполнилось восемнадцать, у порога Эквинского замка сразу начали толпиться

женихи из знатных родов. Родителям был важен лишь капитал их семей, и потому без особых размышлений они отдали свою дочь за старшего сына графа южных земель, Эрнана Монтонари – разумеется, за солидные отступные его отца Коррадо. Их даже не смутил тот факт, что жених был на несколько лет младше невесты. Суаве на свадьбе не присутствовала – родители опасались, что, выйдя за порог Эквинского замка, дочь могла влюбиться в первого встречного, и если это вдруг станет взаимным, данное обстоятельство могло слишком усложнить её выгодный брак с тем, кого выберут ей они. Все семнадцать лет она томилась в замке, и мир её был ограничен террасой на крыше с видом на безлюдный залив. С отъездом сестры она потеряла единственного друга и собеседника и осталась просто ждать, когда ей объявят, что она выходит замуж, а когда этот день настал, Суаве узнала, что её мужем станет не сын графа или наследник фамильного состояния, а сам король Ангенора.

Когда Оллан и Ванора Ферро отдавали дочку чужаку, кирасиры увидели, как из кареты вышла худенькая девочка, завёрнутая в золотую и рубиновую ткани. Волосы её на западный манер были забраны наверх и закреплены перламутровой заколкой, а шею закрывало кольцо из бесчисленных жемчужных нитей. Восточные красавицы редко украшали себя жемчугом, предпочитая носить натуральные камни, а эта девочка больше походила на морскую раковину, чем на ангенорскую невесту. Король Эдгар, с гордой осанкой си-

дя на спине Сумрака, что-то шепнул сопровождавшему его Хранителю ключей, и тот выступил вперёд.

Корвен объявил, что по закону, в случае брака между ангенорцем и невестой из других земель, жених берёт полную опеку над девушкой и ручается беречь её и обеспечивать, а потому она не имеет права забрать из родного дома даже моток ниток. Услышав это, Суаве испугалась и едва не заплакала, но вынуждена была подчиниться. Конечно, она знала об этом законе, но пока он был написан на пергаменте, это был лишь набор слов, а когда совсем юная девушка оказалась перед целым взводом взрослых мужчин, всё внутри неё сжалось до размеров горошины.

Суаве раньше видела короля только на золотых монетах, и во плоти Эдгар произвёл на неё впечатление сильного, решительного, но совершенно неспособного на ласку человека, привыкшего сперва думать, а потом действовать, но в любую минуту готового перерезать глотку врагу. Он её напугал. Так напугал, что она даже не пыталась оценить, красив ли её будущий муж или нет. А его серый бык с подведёнными чёрным глазами и вовсе внушал ей ужас. Ангенорцы в глазах дочери торговцев представляли дикарями, как те, что седлали волков.

Эдгар заметил, как она побледнела, и приказал всем всадникам отвернуться, а двух служанок послал помочь девушке. Невидимая глазу Согейра нагота Суаве смутила юного воина, хотя он уже знал женщин и был женат. Служанки помог-

ли ей снять всё до последнего браслета, даже жемчужные серёжки, и закутали юную леди в шаль из белоснежного шеннойского шёлка. Всю одежду и украшения они отдали матери и отцу, и те попрощались с дочерью, а потом Суаве села в запряжённую двумя рыжими быками карету короля, откуда весь путь до Паденброга пугливо взирала на чужие ей земли.

Известный своей свирепостью в бою Эдгар также отличался редкой способностью весьма холодно смотреть на многие вещи. Например, на брак и семью. Его отец, король Эссегрид, всегда слыл знатным сластолюбцем, в чём старший сын его упрекал, так как из-за его невозможности удержаться от соблазна при виде хорошенького личика на севере теперь может стать беспокойно. Эдгар же всегда следил, чтобы ни одна из его любовниц не понесла незаконного ребёнка, а став королём, и вовсе решил быть в отношении женщин более практичным. В отличие от своих предков он не собирался жениться сразу после коронации, решив повременить до тех пор, пока не наведёт порядок в королевстве, которое рвали на части междоусобицы, но когда его мать, будучи уже при смерти, благословила его на брак, Эдгар занялся поисками невесты. Ни на какие портреты, предоставленные благородными семьями Ангенора, он не смотрел – в будущей жене ему было важно лишь то, что её семья сможет дать короне, а она – наследнику.

Суаве была наследницей Мраморной долины, края, где

испокон веков занимались торговлей. Самое большое количество рынков, площадей, банков – вот чем была та долина, а потому была нужна короне как воздух. Родители будущей королевы происходили из древнейшего рода торговцев мармором и украшениями из перламутра и жемчуга и считались хозяевами долины. И поскольку семья Ферро уже находилась в дальнем родстве с королями, ведь жена короля Эссегеретта Роксбурга Нуэва была из рода Ферро, Эдгар уделил Суаве особое внимание. Повторно соединив род Роксбургов с её, Эдгар укреплял как своё финансовое положение, так и обеспечивал выход на морские торговые пути через Бронзовое море. А сама Суаве, помимо прекрасного образования, манер и здоровья, обладала ещё одним неоспоримым преимуществом – её старшая сестра была супругой наследника Кантамбрии, а сам глава династии из Альгарды являлся главным командующим огромной армией, – и этого человека лучше всего было сделать своим другом, чем держать на нейтральной политической территории. Вдобавок ко всему, известный своей политикой в отношении эвдонцев граф Монтонари-старший как никто требовал к себе пристального внимания, а брак с юной леди Ферро давал королю замечательный повод всегда держать южан на виду.

Свадьба, которая состоялась через год, в день совершеннолетия Суаве, прошла пышно и шумно и длилась несколько дней. За весь год пребывания в Туренсворде в качестве венценосной невесты Суаве привыкла к своему жениху и уже

не видела в нём ничего пугающего. Она его ещё не любила, но отдавала должное тому, что он относился к ней с почтением и никогда не обижал, а поэтому свадебное веселье не было омрачено для неё необходимостью следующего сразу за пиром исполнения супружеских обязанностей. Эдгар же и в этом вопросе проявил чувство такта. Суаве нравилась ему, и он не хотел нападать на неё, как изголодавшийся зверь. Она волновалась, и он не потребовал от неё больше, чем она могла ему дать, а потом ушёл, оставив свою заласканную королеву одну. Он и позже не считал необходимым появляться в её опочивальне чаще, чем это требовалось для зачатия наследника, после чего предпочитал уходить и заниматься делами королевства.

Постепенно, сам не замечая того, он находил предлоги оставаться с Суаве подольше. Однажды ночью, лёжа под балахином, она начала говорить о прочитанной накануне книге, которую ей подарил Осе, и Эдгар почувствовал прежде незнакомый интерес к рассуждениям женщины о том, в чём он никогда прежде не находил для себя пользы. Суаве привила мужу интерес к поэзии, которую в качестве увлечения своего младшего брата Эдгар считал делом не стоящим внимания и пустым. Тогда он ещё и подумать не мог, что всего через несколько месяцев, будучи раненным в бою с баладжерами за тюки соли, – в первом и последнем бою, который он проиграл, – единственное, о чём он будет думать, истекая кровью среди трупов своих людей, будет Суаве. И что имен-

но мысли о ней, о том, что Эдгар должен к ней вернуться, помогут ему выжить.

Уже добравшись с остатками войска до Паденброга, он и сам удивился, как близость неминуемой смерти поменяла его приоритеты. То же самое произошло и с Суаве, когда ей донесли вести о возможной гибели короля. Она не могла сказать, что любила его, но страх, что она его больше никогда не увидит, что-то в ней изменил, и это заставило королеву всю ночь и весь день просидеть у окна, не сводя глаз с горизонта в ожидании возвращения воинов. Она ни на шаг не отходила от мужа и выхаживала его, будто он её ребёнок, даже ночи она проводила, лёжа с ним, положив голову ему на плечо, и заплакала от счастья, когда король смог встать с кровати. С того дня они ни на шаг не отходили друг от друга, проводя вместе все дни и ночи. Придворные не узнавали короля. Они никогда не видели его влюблённым. Их воюющий король впервые обрёл мир.

Сразу после выздоровления Эдгар отказался от политики захвата новых земель.

– Я и мои воины превратили Ангенор в самое большое королевство, – говорил он, – пора остановиться и защищать то, что у нас есть.

У него было множество планов в отношении Ангенора и семьи, но все они были перечёркнуты в ту ночь, когда балджеры в очередной раз подожгли Вильхейм, и это пламя было видно на горизонте с башни Юрто.

Король не хотел ввязываться в эту войну и не хотел оставлять беременную жену – он будто чувствовал, что в этот раз не вернётся. Так и случилось. Его люди отбили замок, но Эдгар был ранен стрелой, смазанной ядом черноцвета. В Паденброг его доставили уже мёртвым. После похорон Эдгара в Долине королей Суаве неделю не выходила из покоев и оплакивала супруга, а потом слуги слышали крики – у королевы начались схватки. Хранителю ключей вспомнились последние слова Эдгара, которые он сказал ему перед тем, как отправиться в бой.

– Пусть ребёнок правит, – сказал он. – Пусть носит корону. Это будет настоящий король.

Он пребывал в уверенности, что родится мальчик, и никто во дворе не допускал даже мысли, что может быть как-то иначе. Даже в день, когда Суаве разрешилась от бремени, – из-за суеты это случилось, затянувшегося ли ожидания на фоне всеобщей скорби или по иной неизвестной причине – но колокол на башне Юрто прозвенел ровно пятьдесят один раз, и Паденброг больше суток думал, что родился наследник, пока эту уверенность не развеяли слова камергера. Королева родила девочку, имя которой дал брат короля. А через два месяца после завершения траура Огасовар Эсегридеон Роксбург впервые надел алмандиновую корону.

Всем при дворе было с самого начала известно, что этот мужчина со слабыми, вечно холодными руками, изнеженный поэзией и вопросами теологии, всегда питал к жене брата

отнюдь не родственные чувства. Поэтому никто не удивился, когда именно её он и предпочёл взять в жёны после коронации, и это решение не прибавило новому королю уважения людей. Суаве же согласилась стать его женой, потому что по большому счёту ей уже было всё равно – своё сердце она оставила с мужем в склепе в Долине королей.

С тех пор прошло восемнадцать лет. Королева так и не полюбила второго мужа, но родила от него двоих детей. Даже после второго замужества она не сняла чёрный вдовий кушак, в котором король видел неприкрытое оскорбление своих чувств.

Скорбь по Эдгару и сыну отняли у Суаве часть её красоты, но в глазах Согейра она всегда оставалась такой же красивой, как и была.

Когда он вошёл, королева вышивала, сидя в обитом бархатом кресле. На столике у её кровати лежала чёрная книга с четырёхконечной звездой Святой благодати, которую она читала вместе с отцом Ноэ, а рядом стояло небольшое зеркало и лежал набор разноцветных шёлковых ниток.

Слуга закрыл дверь, и они остались наедине.

– Моя королева. – Согейр поклонился, но ни одно из одолевających его тёплых чувств не пробилось сквозь его суровое, побитое войнами выражение лица. Суаве улыбнулась и в его мечтах протянула ему руку, которую он нежно поцеловал.

– Согейр? Ты вернулся?

– Да, моя королева. – Он сделал решительный шаг вперёд. – Король вызвал меня и сына из Вильхейма раньше смены караула.

– Я слышала, на вас снова напали. Как Альвгред? С ним всё в порядке?

– Да, моя королева. Он храбрый воин и ещё не раз переломает кости этим дикарям из Псарни. О нём ещё будут славать песни.

– Ни минуты в этом не сомневаюсь. – Её мягкое лицо будто светилось белизной в лучах пробивающегося сквозь окна солнца. – Что тебя привело? – Королева закрепила иголку с золотой нитью у палец. Согейр усилием воли приказал себе не разглядывать Суаве, как какой-то мальчишка.

– Моя королева, я только что разговаривал с Осе. Он поручил мне донести до вас благие вести.

– Мой муж набрался смелости отменить убийство детей, которое называют тавромахией?

Мраморная долина была последней территорией, присоединённой к королевству, и традиция усмирения быков ещё не успела укорениться в умах её жителей. Оттого всё представление о ней маленькая Суаве черпала из рассказов приезжих купцов и гостей. Тогда тавромахия представлялась ей красивым действием, где доблестные юноши борются с быками, подчиняя своей воле неимоверную силу, но все её иллюзии развеялись в первый же год жизни в Паденброге. Увидев состязание единожды, Суаве больше не появлялась на арене

Туренсворда – всё её естество противилось кровавому зрелищу. Лишь однажды она сделала исключение, когда сын попросил её поддержать его. После гибели Кирана всё, что было связано с тавромахией, вызывало у неё тошноту.

– Нет, моя королева, – ответил Согейр. – Это касается вашей дочери.

– Ясна? Она снова следила за Влахосом? – Суаве махнула рукой. – Я знаю. Слуга сказал, что снова видел её в конюшне. Ох уж это её увлечение! – На губах королевы заиграла улыбка. – Не стоит беспокоиться, Согейр. Я доверяю Влахосу, а он весьма благоразумен. Я надеюсь, король не злится? Он единственный ничего не знал.

– Нет, моя новость не о Ясне, она касается другой вашей дочери – принцессы Вечеры.

Королева будто изменилась в лице. Она отложила шитьё.

– С ней что-то случилось? – Глубокая морщина прорезала её переносицу.

– Нет, – поспешил успокоить её легат. – Нет, что вы! Всё совсем не так – король даровал принцессе помилование.

Облегчение громким вздохом вырвалось из груди королевы. Она поднялась, и глаза её наполнились слезами.

– Она едет сюда?! Скажи, что она уже едет! – Суаве бросилась к мужчине. – Скажи!

– Да. – Легат с трудом сдержал порыв обнять её и вцепился пальцами в перекинутый через руку плащ, будто то была его перед ней защита. – Король отослал письмо в Эквин-

ский замок несколько дней назад. Принцесса уже в пути. Её видели возле озера Веверн, значит, в Паденброге она будет совсем скоро.

– Значит, это правда?! – Волнение охватило Суаве.

Согейр никогда не стал бы ей врать. Счастливые слёзы покатались из глаз королевы, и легат бы многое отдал, чтобы смахнуть их с её лица. Суаве не подозревала, какой жар бушевал в стоящем напротив мужчине и как он гордился тем, что именно он принёс ей эту радость.

– Он послушал тебя! – Королева закрыла лицо руками. – Он услышал!

– Я был бы рад, если бы в этом была моя заслуга, но, к сожалению, это не так. Король сам принял это решение.

– Значит, он понял свою ошибку. Я знала, что он одумается. Боже, моя девочка скоро вернётся! Он её простил.

Согейру не хотелось озвучивать истинные мотивы Осе, но он не имел права их скрывать.

– Вот оно что? – Восторг Суаве потух, когда легат передал ей планы короля. – Мой муж принял решение спастись за спинами наших детей. Нет-нет, не спорь. Это так.

– Свадьба состоится в следующем месяце.

– Ты не хуже меня знаешь нрав касарийского самрата.

– Да.

– Альвгред хороший мальчик, но он станет такой же разменной монетой, как и моя дочь.

– Боюсь, что так.

– Но ты же не позволишь никому их использовать?

– Может быть, в моих жилах и течёт половина касарийской крови, но в груди у меня бьётся ангенорское сердце, которое принадлежит только моему королю и королеве.

Возможно, его слова и прозвучали для чьего-то уха высокопарно, но Согейр говорил искренне, как думал и чувствовал.

Суаве это понимала.

– Я хочу, чтобы ты встретил Вечеру, – сказала она. – Я хочу, чтобы дочка вернулась в замок невредимой – у озера небезопасно. Она только делает вид, что ей ничего не страшно, но это не так.

– Я встречу и сопровожу Вечеру до ваших покоев, – пообещал Согейр.

Благодарная улыбка появилась на красивом лице королевы, и она провела рукой по щеке старого друга.

Он знал, что этот жест продиктован лишь искренней благодарностью по отношению к нему, но её прикосновение слишком туманило его разум, перевешивая чашу весов в сторону желания и инстинктов. Она убрала руку.

Согейр откланялся, вышел из покоев и решительным шагом направился прочь из замка к Ласской башне, где его ждала жена.

Глава 7

Семейные узы

Альвгрета нигде не было видно. Согейр спросил слугу, и тот сказал, что король всё ещё беседует с юношей. Легат решил не ждать. Он спустился вниз по широкой винтовой лестнице, на которую сквозь высокие витражи падало солнце, и оказался в просторном холле.

Замок ничуть не изменился за то время, пока Согейр отсутствовал, но сам воин после каждого сражения с баладжерами возвращался в него немного другим – лицо умершего у него на руках кирасира, паренька, который прошёл тавромахию всего год назад, всё ещё стояло у него перед глазами. Тот баладжер раскроил ему шею Лапой, и мальчик захлебнулся собственной кровью, а его бык, Скорпион, грустно глядел на своего умирающего хозяина, положив тому голову на бедро. До шестнадцати лет Согейр не допускал и мысли, что у быков, да и животных вообще, могут быть какие-то эмоции и чувства, но потом он стал кирасиром и понял, что всё совсем не так. Да и Инто, слуга, всегда говорил ему, что

боевые быки очень разумны, разве что говорить не умеют. Может оно и к лучшему, что не умеют? Иначе бы Согейр наверняка наслушался причитаний от своего Ревущего за то, что легат постоянно тыкает его шпорами.

Всюду чинно беседовали разодетые, как на бал, придворные дамы и кланялись угодливые слуги. Откуда-то доносилось эхо песен и музыки. Кто-то смеялся, кто-то тихо сплетничал. Согейр завидовал этим людям, которые за повседневностью своей праздной жизни не знают, какие кровавые ужасы творятся у них перед носом. Он вышел на улицу.

Чуть поодаль у кузницы на лавках сидело несколько раздетых по пояс солдат. Это были эвдонцы, сразу видно – все рыжие, подобно детям огненного вихря, высокие, крепкие. Ангенорцам и кантамбрийцам нужно было проливать пот на плацу от рассвета до заката, чтобы держать себя в форме, а эвдонцы будто уже рождались с сильными рельефными мускулами, которые они считали необходимым прикрывать кирасами только в случае атаки или зимой. Они играли в карты, которые кто-то прихватил во время побега из дома, а Иларх, их командир, стоял рядом, точил топор, по лезвию которого тянулся эвдонский узор из корней деревьев, и грозно поглядывал на игроков.

Иларх, как и все его люди, был дааримом, что значит по-эвдонски «осквернённый», то есть происходил из самой низшей касты. Это значило, что к нему и ему подобным на острове применялись самые жестокие законы из существующих

там. На Эвдоне считали, что дааримы произошли от муравьёв, которые жили в коре первого дерева Каратук и разьедали его древесину, и потому за людей дааримов на острове никто не считал.

Другими кастами были ксарды – ремесленники и торговцы, анаары – воины, нумар – люди науки и Даимахи – постулы Эвдона, которые дали обет чистоты крови своей касты. Они и представители других каст подвергали дааримов всем видам унижений, которые рассматривались как благодать, потому что те и так были слишком грешны от рождения. Возможно, по этой причине душа Иларха, в отличие от души Согейра, уже давно перестала саднить после каждого сражения, а память моментально вычёркивала картинки с изуродованными телами – он уже привык к тому факту, что жизнь жестока, и потому не стоит ждать от неё справедливости.

С Согейром они не были друзьями, но уважали друг друга. Иларх годился Согейру в отцы, но назвать его стариком у легата не поворачивался язык. Совершенно лысый, с густой белоснежной бородой, украшенной разноцветными деревянными бусами, с проколотыми ушами, этот жилистый эвдонец нависал над своими людьми, как Многоликая гора нависала над Паденброгом. Это был сильный мужчина, даже в своём почтенном возрасте способный в одиночку поднять ствол дерева и кинуть в сторону на несколько метров. Силён он был так же, как и плодовит. Двое из его сыновей

примкнули к его отряду, ещё один уже давно стал Королевским кирасиром, трое умерли во младенчестве, а его младшему ребёнку, дочке, весной стукнуло пять, и они с дочерью Согейра часто устраивали проказы, за что обе получили прозвище Стрекозки.

Из защитной одежды Иларх носил специальный панцирь с оттиском двух перекрещённых топоров. По закону Эвдона ни он, ни другие беглецы более не имели права носить символ острова, но Иларх, негласный глава войска перебежчиков, хоть и ненавидел Даимахов всей душой, распорядился нанести на доспехи этот знак, чтобы воины даже на чужбине не забывали, кто они и чья кровь течёт в их жилах.

На родине за голову Иларха, как и за головы тысяч беглых дааримов, была назначена цена. Нет, сам он ничего не сделал против эвдонских законов, но вина лежала на одном из его сыновей, который по глупости сболтнул лишнего и тем самым подписал и себе, и своей семье смертный приговор. Иларх не мог позволить родным погибнуть из-за слов глупого мальчишки и проложил себе путь на свободу через трупы анааров.

Ангенорские солдаты звали их случайными воинами, потому что почти все эвдонцы до побега были слугами или чернорабочими и никто из них не имел никакого отношения к настоящей армии. Эвдонцы дрались бессистемно, нападая толпой, окружая жертву, как пещерные люди во время охоты на вепря, и брали массой, а вовсе не тактикой. Но во время

драки эвдонцы были подобны вихрю и бились они по-эвдонски – пока не падали замертво. Истину говорили об эвдонцах – в них текла кровь мятежная, буйная, звериная. Кровь зверя, который долго томился в клетке и, наконец, вырвался на свободу.

Эвдонцев было сложно приучить к дисциплине, в отличие от кирасиров или кантамбрийцев, и потому король предпочитал держать их отдельно от остальной армии и поручал им мелкие задания, например, такие, как разведка. Эвдонцы умели подкрадываться бесшумно, будто ноги их ступали не по траве и камням, а по воздуху, и потому были незаметны как лазутчики.

Они пожали друг другу руки, и Согейр передал Иларху приказ короля.

– Эта северная крыса всё никак не угомонится, – огрызнулся бородатый эвдонец и сплюнул себе под ноги. – Драть его надо, драть, как продажную девку, и дело с концом, а не церемониться.

Голос у Иларха был грубый, под стать его внушающей опасения внешности, рокочущий и громкий. Когда он гонял своих людей по плацу, редкий человек не ловил себя на мысли, что ему хочется поскорее удрать и не попадаться эвдонцу на глаза, дабы не навлечь на себя его гнев. Иларха побаивался даже наглый бык Альвгрета Лис, который, заметя его рядом, спешил выставить вперёд рога, чтобы быть готовым к атаке.

– Подняли задницы! – гаркнул он на своих людей, как на кухонных мышей, и со свистом рубанул топором рядом с разложенной колодой карт.

Кáлхас, старший сын Иларха, разочарованно кинул карты на стол и встал, бурча себе под нос что-то на родном наречии. Согейр не сомневался, что своих сыновей Иларх воспитывал точно так же, с матершиной и подзатыльниками. Становилось понятно, откуда в Марции взялась такая тяга к разрушению субординации.

Прежде чем развернуться и уйти, Иларх взглядом указал легату посмотреть вниз. Рана на ноге Согейра снова открылась, и кровь залила песок под его стопой.

– Шёл бы ты к жене, – сказал Иларх без особой заботы. – Ещё помрёшь.

На том они и расстались.

Каждый встречный кирасир отдавал честь своему командиру, поднимая вверх замотанный в бордовую повязку кулак. Только в Ангеноре было принято делать это левой рукой. В соседних графствах левая рука считалась нечистой, но ангенорские военные считали, что правая рука обязана всегда находиться на оружии.

На заднем дворе у бычьих загонов легату встретился Инто, мальчишка-конюх. Невысокий и нескладный, как телята, которых Инто как раз в этот момент гнал за ворота, чтобы те пожевали свежей травы, он все силы оставлял на конюшне и трудился сутками, почти ничего не тратя из заработанных

денег. Мальчишке вот-вот должно было исполниться шестнадцать, и он уже начал мужать. Телята были совсем ещё маленькими и неуклюжими и постоянно цеплялись друг за друга рогами, слишком длинными для их голов, а зацепившись, мычали и смешно дёргали головами, а Инто мчался их разнимать. Его не пугало, что они могут случайно проткнуть его, он всё причитал, как же из них вырастут боевые быки, если они не могут даже пройти мимо друг друга, не зацепившись.

Отец Инто бил его, но парень упорно врал, что его синяки и ссадины на лице – от бычьих копыт и рогов. Увидев Согейра, он поднял жилистый кулак левой руки. Легату нравился этот смышлёный, чернявый, как цыган, мальчишка, и он уже давно преодолел в себе суеверный страх при взгляде на его шестипалые руки. Но Согейр был едва ли не единственным, кто не относился к Инто с опаской. Его отец, сильный, как шатун, обзывал его выродком, ублюдком, отродьем Чарны и самым обидным словом «баладжер» и сокрушался, что не утопил его в колодце ещё во младенчестве, как котёнка. Этот беспробудный пьяница верил, что его беременную жену прокляла Чарна, потому сын и родился с шестью пальцами, и оттого бил сына и жену почти постоянно и жёг их раскалённой кочергой. Местная детвора тоже Инто не любила. Дети дразнили его и обливали водой. Мальчик считал себя уродом и вырос без друзей, а потому только и делал, что работал, не жалея сил, и лелеял когда-то зажжённую в его

пылком сердце словами Гезы мечту стать кирасиром.

Спустившись по каменной лестнице, Согейр обогнул Ласкую башню и оказался у тяжёлой входной двери, обитой железом. У стены, обидевшись на весь белый свет, стояла пятилетняя Има и ковыряла прутиком стык между грубо обтёсанными серыми камнями. Согейр мог поклясться, что за время, пока его не было, дочка подросла на несколько сантиметров. Девочка тяжело и по-детски смешно вздыхала и хмурилась лобик, что могло значить только одно – мама снова наказала Стрекозку.

– Кто это у нас тут грустит? – прошептал Согейр, склонившись над её ушком.

Девочка обернулась и с радостными криками вихрем взлетела на руки отца, обхватив его липкую от пота шею руками.

– Папа! Папа вернулся! – У Имы уже начали меняться зубы, и потому она смешно пришепётывала.

Согейр души не чаял в своих детях, и все это знали. Поразительные метаморфозы происходили в нём, когда он их обнимал. Грозный воин, безжалостно режущий глотки баладжерам, при виде своей дочки превращался в добродушного и нежного папу. Воспитывая из сына достойного воина, он без остатка отдавал себя единственной дочери, балуя её, не находя возможности ею вдоволь налюбоваться. И хоть Има была некрасивым ребёнком, это не мешало отцу называть её красавицей.

Он зашекетал свою девочку, и та радостно заверещала.

– Кто это у нас тут грустит? Кто? – Согейр подхватил своё дитя как пушинку и подбросил вверх.

– Има! Има! – смеялась она. – Папа! Ещё!

– Что? Подбросить тебя выше? – И он подбрасывал её выше, и она всё радостнее смеялась.

Как же он по ней соскучился.

– А где мама? – Согейр поймал дочку и усадил на руку.

– Дома, – ответила она, прижавшись к шее отца лбом.

– И что же она делает?

Девочка пожала плечом.

– Не знаю.

– Как так? Ты же всё время ходишь за ней хвостиком.

– Она меня наказала, – тяжело вздохнула девочка.

– Наказала? – Согейр скорчил сочувствующую рожицу. –

Что же ты натворила?

– Ничего. – Девочка широко распахнула честные глазки и уставилась на отца. – Он сам упал. Сам!

– Кто упал?

– Кувшин с молоком. Мама поставила его на самый край, и мы с Флавией просто играли, а потом он упал и разбился.

– И вы были совсем-совсем не виноваты?

– Совсем-совсем, – вздохнула Има.

– Тогда давай пойдём к маме и всё ей расскажем.

– Я говорила, но она меня всё равно наказала!

В её звонком голоске звучала самая настоящая обида

на вопиющую несправедливость.

– А мы сделаем так, чтобы она тебя простила. Идёт?

Ласковый ребёнок радостно закивал, обхватил ручонками папину шею и звонко чмокнул отцовскую колючую щёку.

По размерам Ласская башня немногим уступала донжону Туренсворда, с той лишь разницей, что у неё не было никаких углов, а подземных помещений для укрытия здесь имелось гораздо больше. Согейр поднялся на второй ярус, где располагались комнаты кирасиров, и прошёл по длинному округлому коридору. Внутри никого не было – обычно в это время его солдаты проходили построение на плацу позади башни. Дверь в один из чуланов оказалась приоткрытой, а оттуда доносился женский смех. «Марций», – покачал головой Согейр. Сын Иларха, ставший кирасиром. Сколько раз он ему говорил идти за утехами в Миртовый дом, а не тащить девок в башню, но для этого задиры слова командира имеют значение только во время боя.

Согейр быстро прошмыгнул мимо двери, чтобы Има не увидела чего-то непристойного для глаз ребёнка.

– А почему в чулане смеётся тётя? – вытянула шею девочка, пытаясь заглянуть внутрь.

– Потому что Марций привёл её в гости.

– А что они там делают? Он её щекотает?

– Марций любит щекотку не меньше, чем приводить гостей.

– И ты? Ты тоже любишь гостей?

– А у меня есть твоя мама.

– А я тоже была у Марция в гостях, но он меня не щекотал.

Согейр смерил дочку взглядом.

– Неужели? Это когда же?

– Сегодня утром. Он дал мне черешен. Марций хороший, а ты его ругаешь.

– Я его командир, иногда приходится его ругать.

– И меня?

– Тебя – нет, ты же у меня послушная девочка?

– Послушная. – И девочка хитро заулыбалась.

На кухне вовсю готовился обед, и всюду пахло тушёной морковью, жареным мясом, свежей выпечкой и жжёным сахаром.

Жена Согейра Ниливия, Нила, была дочерью торговца лошадами из западной части Мраморной долины, который получил титул от короля Эдгара и замок Ревущий холм за то, что даровал короне несколько дюжин лучших коней, когда эпидемия Чёрного мора уничтожила почти всех жеребцов в королевских конюшнях. Нила всю свою жизнь работала на ферме отца близ берега Бронзового моря и помогала братьям, и даже после получения титула и замужества не переменила привычный образ жизни на тот, что был присущ другим придворным дамам.

Знать западной Мраморной долины никогда не чуралась даже чёрной работы в отличие от изнеженных графов Ангенора, чья кожа на руках была нежнее шенойского шёлка.

В Мраморной долине, если ты не торговец, как семья Ферро, аккуратные руки считались признаком лентяя и сибарита, а это не внушало доверия. Когда Согейра не было дома, леди Ревущего холма помогала поварам готовить для голодных кирасиров – так ей было легче переживать отсутствие мужа, которое иногда длилось месяцами. Придворные дамы за глаза называли её Леди-служанкой, но Нила пропускала мимо ушей колкости знатных бездельниц, потому что они только и умели, что сплетничать, тогда как у самой виновницы этих толков было полно более важных дел, чем оправдываться.

Сейчас она как раз хлопотала у очага, помешивая сразу в трёх котлах жаркое. Горячий пар лизал её лицо, и на обсидиановой коже выступали капли пряного пота. Нила быстро смахивала его тыльной стороной ладони и вытирала о фартук. Угольные локоны выбивались из-под платка, который женщина обычно повязывала во время готовки, кожа впитывала ароматы аппетитного мяса и специй. Любимая картина Согейра.

Легат заговорщически посмотрел на дочку, бесшумно опустил её на пол и жестом показал Име молчать. Увлечённая работой Нила не слышала, как мужчина подкрался к ней сзади. Она была миниатюрной женщиной, и Согейр навис над ней, как великан. От её чёрных волос, забранных в косу на затылке, приятно пахло мылом и перцем, а от кожи – приправами. Муж приник губами к темечку жены и поце-

ловал. Нила застыла, и её серые, как мокрый гранит, глаза от неожиданности широко распахнулись. Деревянный половник завис между котлами. Она обернулась.

– Согейр! – с облегчением воскликнула женщина и прижалась к мужу так сильно, будто не надеялась больше его увидеть, а потом расцеловала всё его лицо от лба до подбородка, куда смогла дотянуться. Согейр обнял её и поднял над полом.

– Ты вернулся! – повторяла она. – Ты вернулся!

Рядом воробышком прыгала Има и щебетала:

– Папа вернулся!

– Я так переживала! Мне сказали, на вас напали! Проклятая башня, проклятая крепость! – шептала она ему в шею.

– Всё хорошо, – успокаивал её муж, упиваясь ароматом родного женского тела. – Уже всё хорошо.

Но его слова были прерваны долгим поцелуем. Как же он по ней скучал.

– Где Альвгред? – спросила Нила, отстранившись от Согейра. Она положила обе ладони ему на шею и нежно погладила большими пальцами исцарапанный подбородок. – Он цел?

– Да, наш сын храбрый воин. Он сейчас с королём.

– Зачем? Что-то случилось?

Согейр, вопреки приказу короля, посчитал необходимым рассказать ей всё, что знал. Нила всё равно никому не расскажет, она умела хранить секреты, особенно, если они ка-

сались её семьи.

– Не может быть! – ахнула женщина и поспешила к закипающему котлу с похлёбкой. – Как король мог только додуматься до такого?

– Он король. Он может всё.

– Не нравится мне эта затея! – покачала головой Нила, и на её лице отразилась серьёзная озабоченность неприятной новостью.

– Мы не могли отказаться. Это была не просьба, а приказ. Ты же понимаешь.

– И что же теперь будет?

– В лучшем случае мы получим союзника на севере. В худшем – мой дядя останется к нам совершенно безразличен, как и был, мы не получим ничего, и нам придётся справляться своими силами. По крайней мере, я так думаю. Но как подумает Тонгейр, одним богам известно.

– Значит, война неизбежна? Неужели ничего больше нельзя сделать?

Согейр тяжело вздохнул.

– Об этом ещё слишком рано судить. Войска Теабрана ещё далеко.

– Далеко? – воскликнула Нила. – Влахос и Сеар добрались до Негерда за несколько дней и вернулись обратно.

– Я не думаю, что в планы Теабрана входит атаковать Паденброг в лоб. Он будет делать всё, чтобы спровоцировать нас. Ложный король отсиживается в районе Приграничья

и ждёт. Воины Иларха уже отправляются туда, где видели небольшое войско. Когда они вернутся...

– Если они вернутся.

– Не волнуйся. – Он нежно поцеловал щёку любимой жены. – Всё обойдётся, я уверен. А если Теабран подберётся к городу, нам будет чем ему ответить.

– Ты об этом Монтонари? Не доверяю я этому южному графу. Он может в любой момент отозвать свои войска, чтобы напасть на Шеной. И с чем останемся мы? О боги, я так боюсь! А ещё этот брак! Что теперь будет с нашим сыном?

– Он уже взрослый и всё понимает. Он справится с этой ношей.

– Ему всего девятнадцать.

– В его возрасте я стал легатом.

– А он станет врагом самозванца, в чьих руках многотысячная армия.

– Всего на два года. Король уже выбрал мужа для Ясны. Как только она выйдет замуж, всё изменится.

– Но два года! Я слышала о предсказании Гезы, а она не ошибается. Помнишь, как она сказала, что второй у нас родится дочка, и я родила Иму? А смерть наследника? А изгнание Вечеры? Она же передала ей кусочек мрамора во время службы на площади, и ту отправили в Мраморную долину уже через месяц. А теперь она говорит, что королевство будет расколото! Оно и так уже разбито, как кувшин! Всё бесполезно, Согейр, ты понимаешь? Всё!

Легат тронул губами висок жены, и она ответила ему тёплым объятием.

– Леди Полудня тоже ошибается. Помнишь, Геза как-то сказала, что перед тем, как белое полотно станет алым от крови, город покроет огненный дождь?

– А бунт кожевников? Их флаги были белыми. А их тела после казни? Их заворачивали в их же флаги, и они стали алыми от крови.

– Но в городе не было никакого дождя в том году, целый год. Была засуха, будто Дерву снова утащили в пещеру Невинности. Тем более не было дождя из огня. А что она сказала про Иму, когда ты была на сносях? Что наша дочка не произнесёт ни слова, но, как видишь, это не так. Геза ошибается. Не стоит слепо верить всем словам этой женщины.

Нила крепче прижалась к мужу и вздохнула.

– Ох, если бы ты только знал, как я за вас переживаю.

– Я знаю.

Он не хотел расстраивать её ещё больше, но сказал:

– Королева попросила меня встретить принцессу Вечеру и сопроводить в замок.

– Когда?

– Через несколько часов.

– Но ты только что вернулся. – Нила отстранилась от мужа.

– Я уеду всего на полтора дня...

Как раз в этот момент всё время крутившаяся под ногами

Има задела локтем больную ногу отца, и Согейр вскрикнул от боли. Нила испуганно запорхала над мужем.

– Что?! Что случилось? О боги, ты ранен!

Его ботинок оказался пропитан кровью, но легат не дал себе осесть на пол. Нила крикнула служкам в соседнюю кухню, чтобы они заменили её, и помогла мужу выпрямиться.

Их комната была маленькой, но стараниями Нилы уютной. Она усадила мужа на кровать и помогла ему стянуть поножи и кирасу, плотно облегающую его торс. Има сразу закуталась в пыльный отцовский плащ и бордовым коконом плюхнулась в плетёное кресло под окном, высунув наружу только босую ногу.

– О боги, здесь всё в крови! – всплеснула Нила руками, снимая старые повязки с ноги мужа. – Рану надо промыть.

– Она уже почти не болит, – успокаивал её Согейр, хотя у него в глазах потемнело от боли.

Нила взглядом дала мужу понять, что врать он может где-нибудь в другом месте.

– Лезвие могло быть отравлено, – сказала она с укоризной. – Баладжеры всегда травят лезвия своих мечей. Ты сам говорил.

– Хорошо, что иногда я бываю не прав. Если бы оно было отравлено, я бы уже умер.

Но Нилу было уже не остановить. Она побросала кровавые повязки в воинский щит, как в какой-то медный таз, и стремительно вышла из комнаты.

Слуги Ласской башни по её просьбе натаскали воды в ванную в смежной комнате, а сама женщина нарезала чистые повязки из когда-то припасённого мотка хлопковой ткани. И откуда он у неё взялся? Хотя какой толк был в этом вопросе, когда речь шла о леди Ревущего холма, самой запасливой женщине в мире? Если нужно перевязать рану, у неё найдётся и ткань, и лечебные травы, которые она брала у Гезы впрок. Если Име нужно было починить порванное платье, у Нилы всегда оказывались под рукой нитки и иголка. Покоилась кровать? Нила всегда хранила в корзине под столом молоток и пару гвоздей. Согейр не сомневался, что если ему однажды понадобится новый шлем, она достанет его из кучи тряпок в чулане.

Когда Согейр опустился в тёплую мыльную воду, по его мышцам прокатилась долгожданная волна расслабления. Он позволил усталости закрыть ему глаза и погрузился в полусон, пока Нила бережно обтирала его плечи и шею мочалкой, аккуратно касаясь пальцами новых ушибов и царапин. Когда она поцеловала его в шею, в приятной дрёме ему представилась Суаве, но, когда Согейр разомкнул веки, хрупкий образ королевы двух королей растаял у него перед глазами, как снежинка на горячей ладони. Нила соскучилась по мужу и его крепким ласкам, и муж увидел это в глазах своей любимой жены. Он тоже скучал по её рукам и был рад, когда она, наконец, сняла с себя платье и распустила дивные волосы.

Има так и уснула в кресле, закутавшись в отцовский плащ,

и не слышала ничего, что происходило за дверью. Позже муж и жена, мокрые и разморённые приятной негой, лежали на взбитой перине и пили свежее пиво. Рана на ноге, которую заботливые руки Нилы смазали лечебными травами, потихоньку затягивалась, и пульсирующая боль отступала. Согейр зарылся лицом в волосы жены и умиротворённо задремал.

Глава 8

Наследница альмандиновой короны

Согейр выехал за городские ворота около трёх часов пополудни. По его подсчётам, с принцессой они должны были пересечься ближе к ночи в Алом утёсе, где она остановится на ночлег. Он посчитал, что если они выедут оттуда рано утром, то прибудут в Паденброг уже вечером следующего дня.

Когда легат выводил своего быка за Ворота Воина, Ревущий не разделял желания хозяина угодить королеве и протяжно мычал, всем видом давая понять, что он был бы не прочь остаться в стойле и пожевать ещё сочного сена, чем снова куда-то бежать. Согейр пожалел, что в своё время не назвал быка Занудой.

Альвгред рвался поехать с отцом, но тот ему отказал. Согейр решил, что сын своим волнением выдаст себя и расскажет о намерениях короля. Конечно, Вечера не была глупа

и, скорее всего, уже догадалась, что её помилование вызвано более весомой причиной, нежели мольбы Суаве, но Согейр не думал, что Осе вдавался в подробности в том письме, и поэтому всю обратную дорогу воин предпочитал оставаться единственным хранителем этой тайны.

Хоть Альвгред упорно это и отрицал, но отцу всегда было очевидно, что его сын влюблён в старшую принцессу, и он не знал, радоваться этому или горевать, потому что Вечера никогда не разделяла с юношей его светлые чувства. Порой Согейр сомневался, что она вообще была способна кого-то любить со всей теплотой, свойственной этому созидательно-му чувству. Вечера никогда не была так же проста, как Ясна, и порой Согейру хотелось заглянуть в её голову, чтобы понять её мотивы и мысли. Однако он не думал, что ему бы понравилось то, что он бы там обнаружил. И если он ещё понимал увлечение своего сына этой девушкой, видя её внешнюю красоту, то он не понимал его к ней любви. Впрочем, иногда ему казалось, что это чувство сына было скорее внушённым ему самому себе, нежели действительно вспыхнувшим в его сердце, когда ему стало тесно в рамках детской дружбы.

Он заметил, что Вечера не плакала, когда погиб её брат, и это внушало ему какое-то зыбкое ощущение чего-то ненормального. А её внезапно появившаяся тяга к холодному оружию только сильнее его настораживала. Иногда он видел, как она на заднем дворе со всей силы молотит мечом деревянный столб, и не понимал, что среди этой злобы рассмотрел

его Альвгред. Согейр не думал, что она станет для его сына хорошей женой.

Ближе к вечеру он сделал недолгий привал у восточного берега озера Веверн, чтобы набрать свежей воды в бурдюк и сменить повязки на ноге. Солнце уже клонилось к острым крышам видневшегося на горизонте замка Алый утёс, и на небе начали проступать первые тени наступающих сумерек. Приятный холодок овеивал кожу, а в траве трещали кузнечики. Ревущий отдыхал, уложив свою гороподобную тушу на траву, и громко мычал о чём-то своему наезднику, отгоняя ухом назойливую пчелу. Это животное не переставало удивлять Согейра. Тогда, на арене, когда будущему легату было шестнадцать, Ревущий его едва не убил, а теперь, подчинившись воле человека, с удовольствием ласкался к нему в любой удобный момент, как телёнок, или гонялся за пчёлами. Он что-то пытался сказать Согейру на своём бычьем языке и внимательно смотрел на легата, ожидая ответа. Согейр улыбнулся и брызнул на него водой. Ревущий чихнул и смешно подёргал ушами.

Когда они отдохнули, Согейр забрался на широкую спину Ревущего и уже собрался дёрнуть за поводья, как совсем близко послышался говор и шуршание травы. Из пролеска, что широкой полосой тянулся по берегу, выглянул потрепанный старец с котомками, как у скитальца, собранными в узелок из простой ткани. Рядом с ним устало плёлся мальчишка лет десяти и тащил по земле холщовый, набитый вещами

мешок. Оба они были чумазыми, как если бы давно не встречали ни единой реки.

– Добрый вечер, – поприветствовал путников Согейр.

– Вечер добрый, воин, – ответил легату старик.

Мальчик промолчал и исподлобья уставился на кованный наголовник Ревущего.

– Ты на него не смотри, – махнул дед на паренька. – Он с котёнка был, когда уже молчал. Пару слов-то и знает, да здороваться не умеет.

– Он болен?

– Поди знай? – пожал плечами старик. – Уж сколько мы богов молили с его матерью, пока та живая была, а у него слова к языку присохли.

– Куда путь держите?

– Так в город, воин, в город. В наших краях беспокойно как-то стало. Того и гляди дым на горизонте появится. Вот и решили от греха подальше податься на восток к горам, к королю под крыло. Нам-то что терять? Дом наш Задира размыла, урожая с поля с гулькин нос. Вот пособирали, что осталось, и в путь. Найдётся в городе место для старика с его внуком-то?

Улыбка тронула губы Согейра.

– Конечно, найдётся, отец.

Старик был такой маленький и скрюченный, что вот-вот согнулся бы пополам, если бы не посох. Голодные глаза его смотрели устало, а глаза его внука – угрюмо. Согейр вдруг

ошутил, насколько его покрытый позолотой нагрудный панцирь выглядит неуместно. Он сунул руку в спрятанный под плащом кошелёк и достал оттуда несколько серебряных монет.

– Держите, – он бросил их мальчишке, – до ближайшей деревни пара лиг, купите себе еды. А в Паденброге у городской стены рядом с Воротами Молота, в квартале мастеров, в переулке над прачечной за одну монету вы сможете снять комнату. Спросите любого, где дом с голубыми ставнями – его все городские знают.

Мальчишка похватал монеты и разложил их на худенькой чумазой ладошке с пальцами, похожими на тонкие паучьи лапки.

Путники не могли поверить свалившемуся на их головы богатству – вдвоём они могли прожить на эти деньги пару недель, обеспечив себя хорошей едой и крышей над головой.

Дед заулыбался беззубым ртом, а его глаза наполнились благодарными слезами. Он кинулся благодарить воина, но Согейр в этом не нуждался.

– А ты, стало быть, из Паденброга? – спросил его старик, указывая на щит с бычьей головой.

– Я легат Королевских кирасиров. Из Туренсворда.

У мальчишки как-то странно расширились и без того огромные глаза, став похожими на два гигантских блюдца. Он затеребил дедов рукав.

– Эх, много вас из столицы по долинам скачет, – усмех-

нулся старик. – Та девушка тоже была оттуда.

– Какая девушка? – настороженно наклонил голову легат.

– Так та, в долине. Встретилась нам у юго-западного тракта на той стороне озера. С ней ещё трое слуг были. Хорошая девушка. Вот, с внучком нам хлеба дала. – Старичок ткнул худенькой рукой в мешочек. – Она ещё говорила красиво, не из деревенских была – из благородных.

– Какого цвета у неё был плащ? – Нехорошее подозрение посетило легата.

– Так бурый, – ответил тот, – как твой, а на спине вроде бычья голова золотом вышита. Красивая такая девушка. Пальцы тонкие и белые-белые.

Вечера! Имя принцессы вспыхнуло перед глазами Согейра.

– Она ещё сказала, что едет в горы.

– Как в горы?! – воскликнул легат.

– Ну да. Ещё её слуги начали переспрашивать – будто собирались в другое место, но она настояла.

– Куда именно они поехали, она не сказала?! – Эта новость прозвучала как гром среди ясного неба.

– Так в Долину королей. Зачем, не сказала.

Это могла быть только Вечера! Ревущий почувствовал волнение хозяина и затоптался на месте.

– Когда это было?

– Так утром ещё.

– Мне нужно ехать! Благодарю, отец!

– Не за что, воин, – ответил старик, но Согейр уже дёрнул поводья, и Ревущий помчался вперёд.

В голове Согейра ясно вырисовывалась карта королевства. И легату, мысленно следовавшему её дорогами, на ум приходил неутешительный вывод – он не успеет перехватить Вечеру до того, как она окажется в горах среди ночи, и его поразило её безрассудство.

Долина королей была местом легендарным и очень опасным для неподготовленного путника. Неровные хребты Многоликой горы за Паденброгом служили западной границей этого места, расстилающегося кручами до самых Диких гор. На южном краю находились Звонящие скалы, две из которых наводили ужас на заплутавших путников – Рога Саттелит. Так называли в народе гору, что служила входом в этот некрополь. Когда-то это была обычная скала, но, когда умер Ардо Роксбург, она раскололась на части от вершины до самого основания в виде двух острых рогов. Народ зашептал, что Саттелит сама раскрыла ворота в горы для короля, и наследник Ардо, Дитман I, повелел похоронить отца в недрах каменной долины. С тех пор всех королей династии Роксбургов хоронили именно здесь, выбивая в камне склепы и закрывая их дверями из обсидиана с изображениями картин из славной жизни покойного. Таились эти склепы и в самой глубине скал, среди прорубленных лабиринтов, и снаружи, спрятанные за разросшимися пёстрыми альмионами, где никто не мог нарушить покой мёртвых, поэтому мало кто мог

найти места захоронений, не побывав там раньше. Потеряться в этих горах было равносильно смерти – такое уже бывало. Порой здесь находили тела мародёров, погибших от голода и холода или от зубов местных волков, предпочитавших горной козе или зайцу человеческую плоть. Вечера, равно как и её слуги, никогда в этих местах не была, а потому сердце Согейра билось на уровне горла от испуга, что он её не найдёт или найдёт мёртвую. В голове вихрем проносились самые кошмарные мысли. И как она только могла додуматься отправиться туда? Нетрудно было догадаться, куда она направилась, но какой дорогой она пошла, одним богам ведомо. Королева говорила, что писала дочери, где похоронили её брата – в гробнице под альмионом, что рос прямо из скалы. Но как она думает её найти, если альмионы – единственные деревья, что прижились в Долине королей, а обсидиановые двери гробниц в ночи не видны?

Согейр достиг подножия Рогов Саттелит, когда на небе уже начали появляться первые звёзды, среди которых ярче всех сияла тёзка принцессы. Когда среди тьмы легат сумел разглядеть пламя далёкого костра, словно огромная ноша свалилась с его плеч. Слава богам, принцесса одумалась и не пошла в горы ночью. Он пришпорил Ревущего и через несколько минут настиг беглецов.

Сбоку от левого рога Саттелит трое слуг в толстых плащах винного оттенка с узором из трёх золотых монет сгруппировались вокруг костра, как продрогшие воробы, и жарили кус-

ки хлеба, насадив их на длинные палки. Ещё только подъезжая к ним, Согейр понял, что не видит ни на одном из плащей золотую бычью голову, и страх снова неприятной дрожью скользнул по спине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.